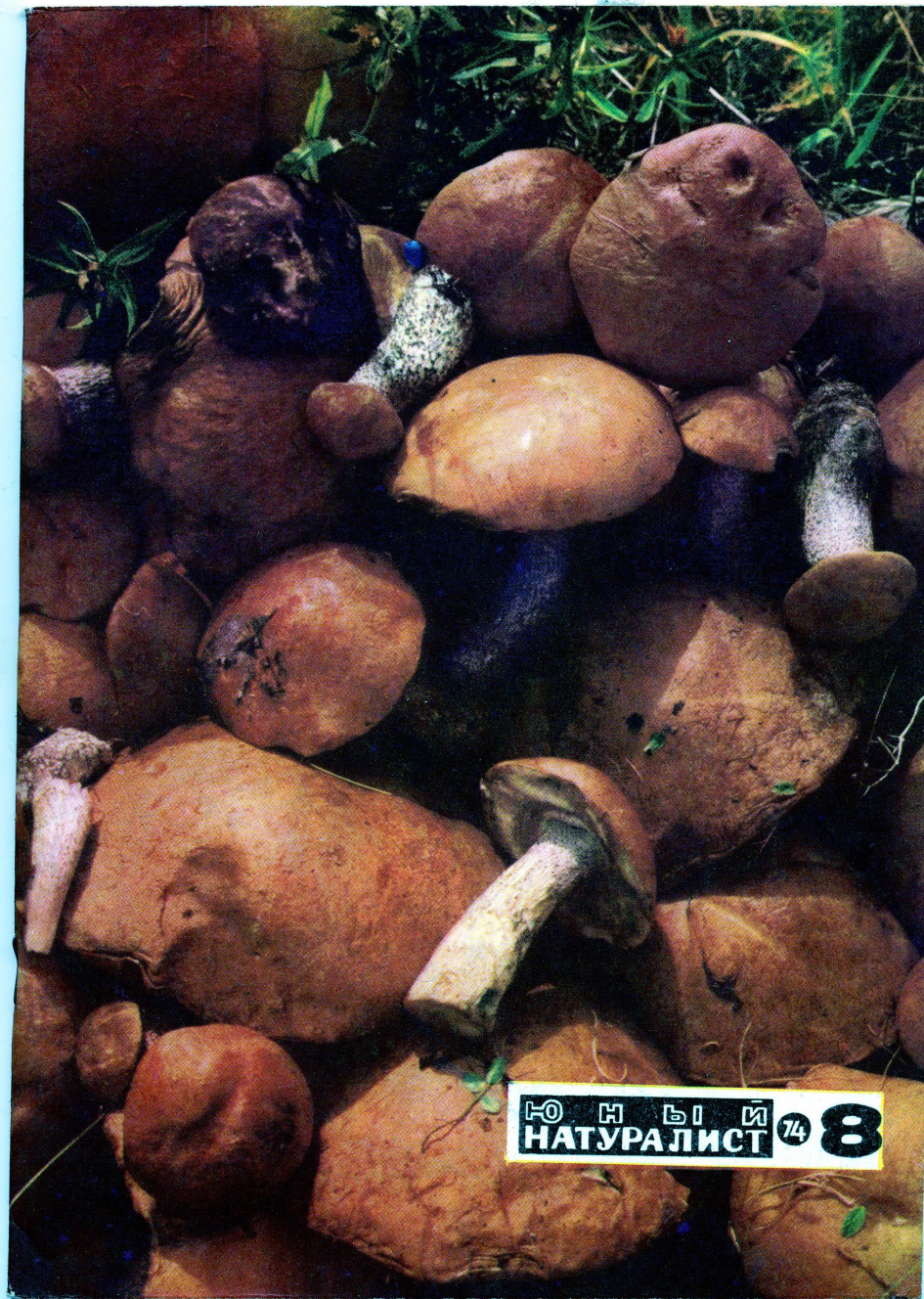

Ю Н Ы Й
НАТУРАЛИСТ 74 8

Л Е С

Лучшая пора наших лесов, конечно, весна. Талая вода уже сошла, мошкара не наплодилась еще, до ягод и грибов далеко — ничто не отвлекает, смотри, слушай.

Влажной дымкой цветения клубятся орешники, ольха. Синые пролески усыпали бурую лесную подстилку, влажный воздух звенит, пронизан птичьими песнями. Весною и лягушки поют! Как-то незаметно весенняя дымка окутывает все чернолесье: деревья одеваются листвою. Даже у дуба она мягкая, нежно-зеленая, насквозь просвечивает солнцем. В белом-белом березняке от солнца розовый туман. Солнечно светятся на зеленеющих полянах круглые купальницы, древние цветки с удивительным запахом свежести и чистоты. Белая метель черемух, пряные ландыши, кукушка.

Пойдет лесом другой человек, увидит иное, иначе.

Каждый встречает в лесу как бы отражение свое, только не зеркального двойника, а себя сокровенного. Редкий человек не робел в лесу, редкому человеку не дарил лес радости! И никто на свете не вправе сказать: «Я знаю лес!» — так велико это чудо природы.

Почти 4 миллиарда людей населяют сегодня Землю. Деревьев на Земле в десятки, если не в сотни, раз больше, никто их не считал никогда, а многие ни разу в жизни даже не видели леса, потому что живут и трудятся в жарких пыльных пустынях или в заполярных тундрах, на сухих плоскогорьях в центре материков или на каменных островках среди соленого океана.

И все-таки нет на Земле человека, чья жизнь не была бы самыми тесными узами связана с жизнью дерева, с жизнью лесов. Оглянитесь в своей комнате: мебель, пол, рамы окон и двери сделаны из дерева. Из древесины книги и тетради, растворители для красок и специальные масла, даже некоторые лекарства и витамины. Больше десяти тысяч видов различных изделий производится из древесины промышленностью нашей страны. Без дерева наша сегодняшняя жизнь просто немыслима.

А если вспомнить историю?

Жилища, домашняя утварь, повозки, мосты и оборонительные стены; весь крестьянский инвентарь и станки первых кустарных фабрик — все деревянное; человек шагу не мог ступить без дерева!

В нижнем течении Нила, на краю афри-

канских пустынь, почти пять тысячелетий высятся, изумляя поколения потомков, египетские пирамиды. Камень, камень, ничего, кроме камня. Но все эти миллионы гигантских кирпичей отколоты от гор с помощью деревянных клиньев. На деревянных салазках и катках волокли каждую многотонную глыбу от каменоломен до стройплощадок. Деревянными были различные рычаги и подъемные механизмы. Без применения дерева большинство монументальных сооружений прошлого вообще не могли быть воздвигнуты.

На деревянных кораблях открыты Америка и Антарктида, совершено первое кругосветное плавание. Деревянными были первые самолеты — совсем недавно!

А во времена незапамятные, доисторические? На покорение земли предок человека спустился с дерева не раньше, чем научился держать в руке деревянную палку.

Минули долгие тысячелетия, и человек привязал к палке кусок камня — получил копьё, топоры, мотыги.

Только с помощью дерева сделал человек и другой великий шаг — приручил огонь, а затем научился добывать его.

На древесине выплавлен первый металл и многие миллионы пудов металла в последующие тысячелетия...

Среди этих свершений совсем затерялся день, когда человек в своей деятельности столкнулся уже не с отдельными деревьями, а с совокупностью их, с лесом. Хорошо известна сказка о том, как легко сломать пруттик и насколько труднее — велик. Столкнувшись с лесом, человек почувствовал сопротивление пассивное, но мощное, и обрушился на лес со всею силой, какой только располагал.

Издавна человек отличал в окружающем мире все, что имело как бы свою волю или свое дыхание. Он заклинал разбушевавшиеся стихии воды и воздуха, молил своих богов сначала об удачной охоте, позднее об урожае. Но едва ли кому приходило в голову молить о благополучии леса. Лес мог быть лучше или хуже; зверя, пчел, плодов и ягод в нем было больше или меньше — год на год не приходился, но сам по себе лес хотя дремуч и темен, а прямой угрозы человеку не таит. Рубить его — работа самая каторжная; зато руби, сколько сможешь, он не оскудеет; ведь нету ему конца-края, от века он стоял и вечно стоять будет. Если ж места переведется где, тоже не беда,

землица добрая очистится для хлебушка, для скотинушки.

Правда, в отличие, например, от хлебного колоса, удел которого один — стать караваем, у леса на корню смутно угадывались какие-то другие свойства, кроме способности стать бревнами. Груды леса на вырубках и лес на корню воспринимались людьми как разные материи. Тем не менее с лесом не церемонились, рубили и выжигали не задумываясь.

Четыре-пять тысячелетий назад очертания и рельеф материков мало чем отличались от сегодняшних. Физическая карта Земли того времени почти полностью совпала бы с нынешней. Увы, только не карта растительности.

Большая часть земной суши лежит в северном полушарии. Во времена, когда строили египетские пирамиды, леса северного полушария полностью занимали всю зону умеренного климата и всю зону субтропиков. На карте это был бы широкий зеленый пояс, выходящий на севере к берегам арктического океана, а на юге смыкающийся с границей полупустынь. На западных побережьях Тихого и Атлантического океанов субтропические леса теснили в глубь материков сухие пустынные области, переходили в тропические леса и непрерывно тянулись до экватора и еще южнее. Лес покрывал землю сплошной пеленой, прорезанной зеркалами обильных спокойных вод. Влияние человека еще не сказывалось заметно.

Первыми начали иставать леса Средиземноморья, этой колыбели европейской цивилизации. Уже к началу новой эры древнейшее божество Эллады — козлоногий бог лесов Пан воспринимается как фигура заштатная, третьестепенная: дуть в свирель, напоявшись, дремать в полдень в прохладных гrotах и наводить спросонья панический страх ему уже негде. Он становится покровителем пастухов и козьих стад, ради которых и сведены его леса.

Примерно сходная картина и во владениях Рима, на Апеннинском и Пиренейском полуостровах. Углубляясь на материк Европы, непобедимые легионы римлян, совсем непривычных к лесу, вязнут в дремучих чащах и крепко бьются тогдашними германцами, которые в конце концов выходят из своих дебрей и опрокидывают Римскую империю.

Этих лесов тоже давно не существует

в природе. Так же, как дубовых лесов Англии, в которых боролся Робин Гуд, и дубрав между Черниговом и Киевом, где пытался разбойничать Соловей Одохмантевич.

В начале XX века о $\frac{3}{4}$ лесов Западной Европы и $\frac{2}{3}$ лесов Восточной напоминали только сказания, исторические романы да географические имена. Сколько Борков, Гаев, Дубовязовок, Березовиц и Липников разбросано у нас в степи, где одни высокие травы! Не лучше дела обстоят в странах Америки и Южной Азии — топор гулял повсюду.

Последствия истребления лесов не медлят. Земля и все живое на ней принимают пыльный, усталый вид. На известном полотне Релина «Крестный ход в Курской губернии» изображается довольно обычная для царской России картина: наши предки молят бога о дожде. Посмотрите в правый верхний угол картины: пни, кучи хвороста — вырубка.

В лесной местности сухое лето означало недород, в безлесной — засуху: гибель урожая, стад, вымирание населения.

Теперь изжито и забыто множество тяжких недугов прошлого. Но возрождение лишь части былых лесов только на юге СССР при самом широком размахе работ потребует еще 100—150 лет. Ущерб, нанесенный природе, восполняется длительно и трудно. Если он вообще восполним.

В тысячекилометровом треугольнике между крупнейшими городами Пакистана Хайдарабом, Лахором и столицей Индии Дели пылит странная пустынь. Тар, безводная и бесплодная, хотя осадков там выпадает больше, чем в Подмосковье. Пустыня Тар — дело рук человеческих, плод уничтожения лесов и неумелого земледелия. Таких следов человека на земном шаре немало.

Только нехватка древесины для развитой капиталистической промышленности Европы вынудила наконец задуматься о судьбах леса. Так, в начале XIX века возникла наука о лесе, единственное положительное следствие лесного разорения нашей планеты, «дита нужды», по выражению одного русского лесоведа.

Область распространения жизни, называемая биосферой, покрывает земной шар целиком. В сравнении с глубинами земного шара, а тем более космоса, толща биосферы невелика. Сегодня практически все живое вещество Земли производится — выращивается — зелеными растениями. 83 миллиарда тонн — таков ежегодный прирост живого вещества на земном шаре. Из них 53 миллиарда тонн образуется на суше, в том числе 28,4 миллиарда — продукция нынешних лесов.

Растения выделяют свободный кислород, которым дышит все живое на Земле, а также наши домы и топки электростанций, двигатели автомашин, тепловозов и тракторов, турбины кораблей и самолетов. Каждый третий вдох подарен нам лесами. И едва ли не каждый глоток пресной воды, этой первоосновы любой жизни. В лесной подстилке, почве и грунте накапливаются огромные массы талых и дождевых вод, которые иначе скатывались бы в реки и дальше в соленые моря. Леса отдают эту воду постепенно и — что особенно важно — очищенной от вредных примесей и болезнетворных микробов.

Замедляя испарение и сток воды, сдерживая разгон ветра, леса уравнивают, смягчают климат, и не только местный. Наука свидетельствует, что в последние 10—12 тысяч лет климат Земли в целом отличался удивительным постоянством, сама же Земля с наименьшими основаниями могла быть названа планетой лесов. В это время земные леса, полная родословная которых исчисляется сотнями миллионов лет, выгляды уже совсем как сегодня.

Каждый лес накрепко связан с местом своего произрастания, и не только корнями. Невозможно поменять местами не то что тропические джунгли и северную тайгу, но и даже сосняк и ельник, стоящие рядом, на разных почвах. И все-таки общего у всех лесов гораздо больше, чем различий. Главное — это неоценимая способность поддерживать в окружающей среде то состояние, которое древние люди называли гармонией: необходимое условие жизни самих лесов. В этом смысле все леса Земли составляют единое целое. Подсчитано: чтобы этим единым целым оставаться и наилучшим образом выполнять свою роль в природе, леса должны покрывать не менее $\frac{1}{3}$ земной суши. Именно такова площадь лесов Земли сегодня.

Одно время казалось, что появление алюминиевых сплавов, сборного бетона и синтетики сократит потребление древесины. Произошло обратное — с ускорением технического прогресса области применения древесины расширяются, ее потребление неуклонно растет. Одновременно увеличивается потребление атмосферного кислорода промышленностью, энергетикой и транспортом, нарастает загрязнение воздуха и вод вредными выбросами. 250 миллионов тонн вредоносных газов добавляет ежегодно в атмосферу только мировой автотранспорт! 6 тонн кислорода сжигает за час полета каждый реактивный самолет! С каждым днем лес все нужнее планете именно живой!

Четвертая часть мировых запасов леса сосредоточена в нашей стране. В России издавна были люди, ясно понимавшие, что владение большими природными богатствами прежде всего налагает большую ответственность. Более двухсот лет назад, в самом начале XVIII века, они уже советовали соотечественникам рубить лес «не кто как хочет, а как натура леса требует». Еще лесной рекой была Кама, дремучие леса стояли в Заволжье и вокруг Москвы. В XIX веке вырастает замечательная школа русского лесоводства. И в этом же XIX веке слепое бесчувственное чудови-

ще — капитализм — усиленно превращает русский лес в деньги. Рубят «под рукой»: в густонаселенных местностях, вдоль путей сообщения, особенно водных, то есть как раз там, где леса всего нужнее живыми. И нет силы, способной помешать: большинство лесов обжитой части России принадлежит частным владельцам.

Весна 1918 года. В числе первых декретов Советской власти — «Основной закон о лесах». Все леса страны объявлены национальным достоянием. Леса, имеющие

(Окончание см. на стр. 45)

СЕРДЕЧНЫЙ ПРИВЕТ ЮНЫМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ, УЧАСТНИКАМ ВСЕСОЮЗНОГО СЛЕТА УЧЕНИЧЕСКИХ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ БРИГАД!

Воспитание юношей и девушек в духе уважения и любви к труду всегда было и остается важнейшей заботой Коммунистической партии и одной из главных задач Ленинского комсомола.

*Из речи Генерального секретаря
ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на
XVII съезде ВЛКСМ*

Ставропольский край. Здесь двадцать лет назад зародилось движение ученических производственных бригад. Первые борозды на своем поле проложили юные земледельцы Григориполисской средней школы. 20 лет назад на поля совхозов и колхозов Ставрополя вышли первые сотни школьников. Сегодня в нашей стране насчитывается около 40 тысяч ученических производственных бригад, в которых проходят первые сельскохозяйственные университеты свыше трех миллионов учащихся.

Цифры, цифры. Без них невозможно представить сегодня размах деятельности ученических производственных бригад. Сначала несколько сведений по некоторым союзным республикам.

В РСФСР успешно работают 18 700 ученических производственных бригад. В их составе каждую весну выходит на поля полтора миллиона школьников.

На Украине юные земледельцы обрабатывают свыше ста тысяч гектаров пашни. В прошлом году украинские школьники заложили 8 тысяч опытов, 2,5 тысячи из них — по заданию ученых. Хорошо помогли ребятам родным колхозам и совхозам! Результаты четырехсот их опытов внедрены в производство.

В Казахстане созданы и работают 1742 ученические производственные бригады, в Молдавии — 1198.

Можно перечислять и перечислять бригады, в которых юные земледельцы приобретают первые профессиональные навыки, где приходит к ним любовь к земле, мужает характер. Поистине в ученических производственных бригадах ребята проходят настоящую школу гражданской зрелости.

Лучшие из лучших — посланцы всех союзных республик, краев и областей нашей Родины — собрались в эти августовские дни в станицу Новопавловскую на свой Всесоюзный слет.

Больших успехов вам, юные друзья!

Август. И туманным сырым утром, и ясным погожим днем, и прохладным серым вечером полнится лес звонким ребячьим ауканьем. Грибы, ягоды, лекарственные травы — чего только не подарят сейчас просторные поляны, светлые березники, хмурые ельники. Успевай лишь наполнять лукошко их бесценными дарами.

Да, страдная это пора для любителей «тихой охоты» — август! А впрочем, только ли сейчас открыты настежь двери лесных кладовых? Нет, с ранней весны до поздней осени действует зеленая аптека, раскладывает свои заветные припасы щедрый Берендей.

Это хорошо известно участникам Всесоюзного конкурса по сбору плодов, ягод, грибов и других дикорастущих хозяйственно-ценных растений. Сотни тысяч школьников из 67 республик, краев и областей выходили в прошлом году в поход за лесными дарами. Ребята поработали на славу. Школьные лесничества, пионерские лагеря, юннатские кружки помогли работникам потребительской кооперации заготовить дикорастущей продукции значительно больше, чем в предыдущие годы. Что ж, недаром говорится: лес всегда открытая книга для умелых и любознательных.

ЦК ВЛКСМ и Правление Центросоюза подвели итоги конкурса. Среди победителей комсомольские организации Литвы, Вологодчины, Крыма, Приморья, Карачаево-Черкесии, Ставропольского края. А география лучших школ страны, удостоенных премий, обширна и примечательна. Минск и Могилев, Закарпатье и Житомир, Брянск и Владимир, Иркутск, Воронеж, Ивано-Франковск — словом, не перечислить всех школ, которые отлично справились с конкурсным заданием.

Сегодняшний наш рассказ о некоторых из них.

Сколько лесных тропинок нужно пройти, чтобы собрать десять килограммов лекарственных трав? А если десятки центнеров? И не свежих, пахнущих летом, а высушенных, готовых к сдаче на склад Потребкооперации? Вряд ли сразу представишь такое.

Правда, эти десятки центнеров зверобоя, чабреца и бессмертника заготовил не один человек и не одна школа, а все юннаты Волинской области. Они стали победителями конкурса среди школьников Украинской ССР.

365 гектаров. Таковы владения юных лесничих 2-й средней школы алтайского города Бийска. Здесь ребята полные хозяева. Работа в лесопитомнике, очистка лесных кварталов от валежника, сбор семян для леспромхоза — круглый год хватает забот ребятам. Но только нальются соком оранжевые ягоды облепихи, как звучит в школе призыв: «Все в поход за сибирским виноградом!» Да, так называют алтайцы это чудо-растение. Вот уж когда наступает поистине страдная пора. Сотни килограммов целебной ягоды сдают юные лесничие на приемные пункты Потребкооперации.

Боровики, осиновики, волнушки, грузди... Можно перечислять и перечислять названия грибов, что дарят ребятам знаменитые брянские леса. «Пошел с лукошком — пустым не возвращайся!» — так напутствуют грибников ребята Красногорской восьмилетней школы Почепского района. Это напутствие всегда оправдывается, недаром здешние юные любители «тихой охоты» славут лучшими в районе.

«Дары леса». Так назвали свою операцию школьники Костромской области. Весной собирали они богатый урожай ольховых шишек — ценного сырья для медицинской промышленности. Особо отличились ребята 13-й средней школы города Костромы. Саша

Дмитриев, Андрей Закалин, Саша Блинов, Валерий Рукавишников сдали в заготконтору райпотребсоюза свыше центнера полезных семян. Операция «Дары леса» продолжается.

Кажется, скудны на дары казахстанские песчаные степи. Но умелым и пытливым всегда откроют они свои тайны. Ребята из села Акыр-Тюбе Джамбулской области подобрали ключи к степным кладовым. Чтобы щедрей стали они, школьники заселили саксаулом 150 гектаров. А где встанет саксаул, там и другие растения поселятся. На учете у ребят и все участки степи, что дают весной богатый урожай целебных трав. Ежегодно с таких плантаций собирают школьники десятки килограммов лекарственного сырья.

Вот так умельцы! Не раз с благодарностью говорили лесничие эти слова школьникам Новохоперского района Воронежской области. Благородную задачу поставили перед собой ребята — собрать как можно больше семян для восстановления лесов. Каковы же успехи, спросите? Судите сами. Юные лесничие заготовили четыре тонны сосновых шишек, десятки килограммов семян ясеня, акации, липы, лоха, жимолости. Не забывают ребята и лекарственные травы. Полторы тонны ценного сырья сдали они Потребкооперации.

Мещера. Край могучих лесов, где высокие сосны стоят плечом к плечу, а стволы их так ровны, что видно далеко вперед. Край болот и озер, глубоких, чистых и черных от торфянистого дна. В такие черные зеркала опрокинулись и небо, и деревья, и ослепительно белые лилии на воде. Щедра здесь природа: клюква, черника, шиповник, брусника и, конечно, грибы. Грибной запах чувствуешь сразу, только войдешь в лес, и уж потом не отпустил он тебя, как бы далеко ни пролег путь. Жители этих мест заядлые и умелые грибники. Сезон «тихой охоты» ждут здесь с нетерпением. А начинается он в апреле.

Еще в низинах и оврагах лежит ноздреватый весенний снег, а грибники уже выходят с лукошком за строчками и сморчками, подснежниками, как ласково называют их здесь. А о лете и говорить не приходится.

Грибники в Мещере серьезные, к грибу относятся с уважением. Ходить по грибы не развлечение и не баловство, а промысел. Испокон веку лес кормил мещерских людей, не давал пропасть в тяжелые годы, и не последнее место занимали в дарах леса грибы. Это уважение к лесу, к ягоде и грибу передается от поколения

к поколению. Не случайно на грибоварные пункты ребята подчас приносят грибов больше, чем взрослые. В поселке Золотково, например, в прошлом году юннаты свердловской средней школы собирали и сдали райпотребсоюзу 130 тонн грибов. Немалая цифра!

А ведь она складывается не только из отдельных боровиков, груздей, березовиков и лисичек, но из несыгранных футбольных матчей, из желания быть полезным людям, из любви к родной природе. Есть в этой школе свои рекордсмены. Среди них Сережа Мухин, который собрал семь тонн грибов.

Пятиклассники Нина Потапова, Коля Никонов, шестиклассники Игорь Помогайный, Павлик Победов, Вера Киселева тоже в числе лучших.

Ребята свердловской школы любят и знают свой край, умеют найти места, где растет череда, мать-и-мачеха, поляны, где затаился липкоподий. Через их руки проходят килограммы растений, прежде чем из них приготовят ценные препараты.

Сейчас каникулы. И в эти летние дни часто встретишь в лесу школьников с лукошком. Пожелаем им снова быть впереди.

Л. Волкова

РАСТЕНИЕ С НАСТРОЕНИЕМ

В одном ботаническом саду решили собрать коллекцию водных растений. Профессор, специалист по гигофитам (так называются влаголюбивые и водные высшие цветковые растения), показал своему сотруднику каталог.

— Видите фотографию? — сказал он. — Надо бы выписать это растение. Обратите внимание на огромные перисторассеченные листья, как у папоротников. Любопытная форма листа. К тому же авторы каталога сообщают, что растение недавно введено в культуру.

Сотрудник списал с каталога все необходимые данные, и в ботанический сад пошел заказ.

Вскоре прибыла посылка. Ботаники с интересом распечатали ее. Но вместо роскошного растения с перисторассеченными листьями из полиэтиленового пакета извлекли скромные веточки с небольшими круглыми листиками-монетками.

— Что вы заказали? — удивился профессор. — Я ведь просил новое растение синнему.

— Я и заказал синнему, — обиделся сотрудник. — Вот и этикетка. Видите, написано «синнема».

— Странно, — удивился профессор. — В описании такие характерные листья.

Конечно, будь синнема растением известным и распространенным, такого удивления посылка бы не вызвала. Синнему раздобыли в болотах Таиланда только в 1957 году.

— Делать нечего, — сказал профессор. — Сажайте этот кустик в бассейн, а на следующую весну повторим заказ на синнему.

Опытные ботаники легко по листьям определяют, росло растение в воде или над водой. Присланный кустик был надводный, его и посадили наполовину погруженным в водоем. Растение принялось, и вскоре показались новые листочки. Они были тоже кругленькие, не больше трехкопеечной монетки.

— Если растение зацветет, — решили ботаники, — мы сможем по цветкам установить его вид.

Но удивительные вещи стали проявляться у нового растения задолго до цветения. Надводные ветки продолжали давать круглые листики. А вот подводные... Сначала на них тоже были круглые листики. Потом они стали овальными, с заостренными концами. Затем края новых листиков начали волниться. На следующей паре листиков края уже были зубчатые, а на новой паре — мелко иссеченные. Потом... Потом вылезли перисторассеченные листья, как у папоротника. А размер их увеличивался с каждой парой: перисторассеченные были уже величиной с ладонь.

Зашел как-то в оранжерею профессор, посмотрел на незнакомку.

— Да это же самая настоящая синнема! — Сорвал крохотный надводный листок, огромный перистый — подводный. Подержал их на ладонях, покачал головой: «Ну и ну!»

А потом наступили темные, непогожие дни. И тут синнема выкинула новый фокус — вслед за огромными перисторассеченными листьями выплзли маленькие овальные листочки со сплошной пластинкой.

Весной ярко засияло солнце. И вместо сплошных листиков начали образовываться огромные перисторассеченные. Так на ветках образовалось два типа парных листиков — перисторассеченные на первом этаже (более ранние листья других форм уже опали), потом маленькие овальные, а затем опять перисторассеченные.

Профессор водил коллег по оранжерее.

— А это растение у нас с настроением, — показывал он на синнему. — Видите, некоторое время назад у куста были «сильные переживания», и это отразилось на форме листьев в середине стебля. А потом настроение улучшилось — смотрите, какие появились новые листочки.

Форма листьев у синнемы меняется не только, когда ухудшается освещение. Понижалась температура воды — и тропическое растение замерзает. Подрыла корни у растения крупная рыба — опять иная форма листьев.

Другие растения о перемене настроения рассказывают иначе. Некоторые водные растения предохраняют нежный хлорофилл от яркого света: в листьях образуется защитный красный пигмент антоциан. Чем ярче свет, чем лучше условия, тем более пунцовыми стоят растения.

Есть растения, которые меняют форму листьев от голода. А голодают растения в аквариумах довольно часто. Кажется, все условия соблюдает любитель аквариума, только одно нарушил — не любит воду менять. Рассуждает: зачем ее менять, и так чистая, рыбы довольны. Рыбы-то довольны, для них есть специальный корм. А растениям в старой воде питаться нечем. Вот и стонут от голода, стонут листьями — становятся они кривыми.

Часто желание растений можно понять и по движению, расположению листьев. Известно, что в растениях происходит сложный

биохимический процесс фотосинтеза. Днем оно усваивает углекислый газ и выделяет кислород.

А ночью соединения углерода (углекислый газ состоит из углерода и кислорода) перерабатывают еще более сложные изменения. Растение перерабатывает их в питательные вещества и в особые консервы — про запас.

Значит, фотосинтез — круглосуточный процесс. Естественно, что и жизненный ритм растения двойной. День-ночь, день-ночь. Аквариумы часто стоят вдали от окон, их освещают электролампами. За окном поздний вечер, а аквариумист все не гасит лампы, любит подводный мир. И тогда растения возмущаются: «Погасите, пожалуйста, свет! Нам давно пора спать!» Листики сложились на ночь, для этой фазы фотосинтетического процесса нужна темнота. Спать хочется.

Почему же складываются листочки? Этим свойством обладают только молодые листья. Их задача — прикрыть на ночь самую нежную часть стебля — верхушечную точку роста. Ведь даже в тропиках ночью становится прохладнее, нежная точка роста может продрогнуть.

В нашей умеренной зоне суточные колебания температуры еще резче. Охлаждается вода, вечером над водой плывет прохладный туман. Цветы водяных лилий-кувшинков закрываются и уходят до утра под воду. Ныряют они потому, что вода охлаждается значительно медленнее, чем воздух. В тропиках есть кувшинки, которые раскрывают цветок только к вечеру — боятся перегреться. А наши кувшинки, наоборот, прячутся, чтобы не замерзнуть.

Вот и выходит, что с растениями можно разговаривать, определять по их виду, какое у них настроение. А для этого надо изучать интереснейшую науку ботанику. Тогда можно обратиться к растению с вопросом: «Ну-с, какое у нас сегодня настроение?» И знающему юннату растение тотчас же даст исчерпывающий ответ.

М. Махлин

ЭДУАРД КОРПАЧЕВ

ЛУГА МЕДВЯНЫЕ

Повесть

Окончание. Начало см. в № 6 и 7.

7

Рукой он дал знак немому Крыжу и немому Бусько отойти, а сам, тоже немой от радости, повел трактор, сбавивший скорость и вроде притормозивший, по самому краю целины, у проселка, на котором в высохшей луже лежали облепленные землистой коростой бревна.

Черная широкая черта появилась за плугами!

Утреннее солнце, накаляясь, взялось обесцвечивать черные борозды, и когда Васька, уже сделав несколько гонов, посмотрел на первозданные борозды, то удивился, какими пепельными они стали. Должно быть, сверху они уже и причерствели.

А все же, хлопцы, он первый здесь землешапец, он бог, он герой!

В груди у него нарождалась песенка, с ним уже было так на сенокосе, он уже знал это счастье, и вот, высунувшись из кабины, он поприветствовал взмахом руки Крыжа и Бусько.

И в это мгновение поколебалась земля. Гром уже пронесся, исковеркав плуги и вышвырнув Ваську из кабины, и с мягкой вспаханной земли посмотрел на замерших на проселке Крыжа и Бусько, на залепленную дегтярными комьями кабину, на гнутые плуги, Васька догадался, что лежала долго, с войны, наверное, старая мина в торфяной почве. И вот дождалась, ахнула, рванула. Взрыв никогда не запаздывает! Но Васька, все еще лежа на пахоте, снова успокоил себя: гром пронесся, а война вон когда кончилась...

Но это пока для него пронесся взрыв, а для хлопцев, столбенеющих на проселке, опасность не миновала, хлопцы не знали, что же с ним, и тогда он, отжав свое тело на руках, поднялся и уже другим, бережным движением поманил к себе одного и другого.

— Контузило? Ранило? — панически спрашивал Крыж на бегу, а затем даже ощупывать его стал, точно еще не веря, цел ли он.

А Васька, сам разочарованный тем, что и не контузило и не ранило, смотрел немигающим взглядом на Крыжа и сообщал, как бы это и впрямь прикинуться контуженным. Вдруг захотелось ему боевой, как ему показалось, славы: чтоб знали все, что он контуженный, чтоб спрашивали каждый день о самочувствии, пеклись о нем и провожали теплым взглядом...

Крыж лихорадочно спрашивал у него все о той же контузии, а он, будто глухой да вдобавок утративший дар речи, тряс грязной головой, совал палец в ухо, представлялся контуженным, ничего не

11

разумеющим. И знать не знал, какие волнения ожидают его сейчас по причине этой мнимой контузии.

С обоих боков Крыж и Бусько вдруг подхватили его, он даже удивился, какие сильные хлопцы. Поскольку нельзя ему было говорить, то он лишь взмывал, выражая несогласие, а его все равно почти тащили по проселку, и Крыж неизвестно чему радовался, бормоча:

— Вот жизнь! Почти как на войне!

Приятно было слышать такое!

Но, наверное, слишком уж перестарался Васька, играя контуженого, и тут же поплотился. Его поддерживали, его волокли двое, цепко ухватившиеся за его руки, а затем эти двое остановили свой грузовик, который сворачивал на проселок.

— Тут Ваську оглушило! Давай в город, в больницу! — все так же панически и одновременно радостно выдохнул Крыж водителю, счастливчику из их группы, который сонно и настороженно выслушивал вздор, то снимая защитные черные очки, то надевая вновь.

И тут Васька заговорил!

Но поздно.

Он еще возмущал им всем, твердил, что он уже нормальный, что слышит их чепуху, а его эти хлопцы, обретшие вдруг невиданную силу, затолкали в кабину. Крыж втиснулся третьим, хотя и не положено быть в кабине троим, и грузовик развернулся и выехал вскоре на истертый шинами, какой-то сиреневый асфальт шоссе.

Теперь кричи, возмущайся, доказывай, что здоровый, грози устрой катастрофу, а тебе не верят, ты контуженный. И, решаясь на крайность, Васька даже попытался нажать на тормоза, но Крыж тут же угадывал любую попытку и висел на нем камнем.

Речица, ее предместье, ее кирпичные домики окраинных улиц, заселенные нефтяниками, открылись Ваське, и он хмуро смотрел на город, который любил и в который всегда тянуло его по воскресеньям. Да разве так он появлялся в Речице? «Пускай, — думал он, — погляжу на Речицу, бесполезно пока драть глотку, а когда остановимся, я, может, по морде дам этому Крыжу».

Но остановиться на улице не пришлось, поскольку железные ворота больницы были распахнуты и закрылись лишь тогда, когда грузовик уже свернул на больничный двор, заполненный гуляющими в странных халатах, из-под которых виднелись какие-то белые шаровары. Тенистый был этот двор, повсюду густо росли тополя.

Те же ухватистые, цепкие руки подхватили Ваську и повлекли в деревянный

подъезд, куда входили и откуда выходили люди в белом, цветущие медсестры и старые няни, и Васька не успел опомниться, как уже оказался на виду у худощавого, с лицом серого хлеба врача.

Может быть, и вправду там, на бросовой земле возле Чижевического болота, с ним произошло нечто серьезное, такое, что он поглупел и так легко сдался начальным хлопцам?

— Оглушило нашего! Минной оглушило! — принялся твердить Крыж, и оттого, что он хотел с сильной тревогой высказать это, получалось так, будто Крыж врет.

Худощавый врач с серым лицом внимательно, так что жутко стало Ваське, посмотрел на Ваську, но в этот момент из другой двери врача окликнули взволнованным голосом, и он кивнул ребятам: «Сидите!»

А что сидеть здесь, где фу какая вонь от лекарств?

— Сматывайтесь быстро, — шепотом повелел Васька. — Я тут, я не сбегу, а вы сматывайтесь. А то я контуженный, я бешеный! — И он вскочил, угрожающе глядя на Крыжа.

Тут всех хлопцев словно вымело из больницы.

А через мгновение скрылся и Васька. Правда, он немного поюлил по больничному двору, меж задумчивых людей, ожидая, пока не тронется с места грузовик, а затем выскочил через проходную будку и тут же поймал такси, крапчатое от пыли, смешанной с брызгами воды. Не везло, не везло, в какую-то пеленую историю попал, но все же выкрутился, и вот даже с такси повезло!

— Вылечился? — сочувственно спросил водитель с мелкими, мальчишескими чертами лица, выслушав маршрут и как будто обрадовавшись дальней дороге.

— Слава господи, вылечился! — подражая какой-нибудь деревенской бабке, молвил Васька с серьезным выражением лица.

По дороге такси обогнало знакомый грузовик, Васька узнал по номеру несчастную машину, на которой его так срочно доставили в Речицу, и вот теперь выставил в ветровое стекло дулю, не зная, угадали ли хлопцы его, беглеца.

В колхозном машинном парке, в виду комбайнов, веялок, сенокосилок, остановилось городское такси, остановился несколько минут спустя и грузовик, и Васька, выйдя из засады и потешившись мгновение испуганным видом Крыжа и Бусько, грубо сказал им:

— Ну вы! Куда это вы меня хотели заставить?

И дар нормальной речи обрел он, и гля-

дел здраво, и вообще уже не был похож на оглушенного, контуженого, так что хлопцы попятились в растерянности.

Тут же они и заторопились прочь, и Васька, посмотрев с осуждением им вслед, догадался, что поспешили они куда-нибудь в поле, где остальные хлопцы ползком собирали траву, чтоб росло просо. И впервые почувствовал, как захотелось ему хотя бы им двоим твердить о том, что видели они сами; как рвануло, как выбросило из кабины, как залепило черными сырыми комьями трактор. Уже нагрянули первые воспоминания!

Нет, ни на какое другое поле он не пойдет, а только на то, неспаханное, обнаружившее опасный гром. Плуги безнадёжны, но хотя бы посмотреть еще раз на все и словно вновь услышать взрыв военной мины. Ведь если задуматься, то крестило его этим взрывом, этими комьями разбуженной земли...

Вскоре он уже оказался там, где затих трактор, не кончивший борозды, и, осторожно ступая по запятнанной комьями траве, забрался в кабину и сидел так, думая о внезапном взрыве. Трактор никуда не двигался, но если вообразить, что это уже не трактор, а танк, промчавшийся по минному полю! И там, на торжественных и поминальных сходках партизан в родной веске, деревенке, можно появиться и ему, и будут слушать партизаны, как старая миная помешала ему пахать, и будут пересказывать друг другу и глядеть на него, Ваську, так, словно они принимают его в свой боевой круг...

Когда вдали на проселке уже знакомый грузовик стал приближаться быстро, поднимая тучку пыли, похожей на гарь, Васька вспомнил этих чудаков, Крыжа и Бусько, вспомнил неожиданное путешествие в Речицу и помрачнел. Неужели опять они?

Из грузовика, остановившегося так резко, что застонали тормоза, выскочил Стодоля, и по его встревоженному лицу он догадался, что мастер уже напуган взрывом, уже слышал обо всем.

— Ты выходи, выходи, Василь! — махнул тот нетерпеливо, забывая на бегу посмотреть хотя бы на искорканные плуги, на борозды, испорченные взрывом.

Васька ожидал переполошенного человека и чувствовал себя несколько утомленным: взрыв, дикая гонка на грузовике до больницы, потом стремительная езда на легковом автомобиле...

— Выходи, Василь! — уже настойчиво потребовал Стодоля и рванул на себя ручку кабины.

— А трактор?

— Доставим без тебя. Того же Крыжа pošлю.

— Я испытал опасность, а Крыж погонит мой трактор? Нет, Борис Павлович, трактор нехай остается, я пока не вспахал.

— И не думай! — сердито взглянул Стодоля. — Тут, может, еще не одна мина. Какая пахота? Саперов вызовем. А что?

— Ну-у, Борис Павлович! Да тут же веками болото было, и никакого минного поля не должно быть. Случайная мина. Я понимаю, где-нибудь в поле, в лесу. А тут вряд ли.

— Ты меня слушай, Василь, — уже спокойнее продолжал Стодоля. — Иди в лагерь, отсыпайся. И вообще — хоть еще день отсыпайся. Здоровье твое как после такого потрясения? — И он, кивнув на кривые плуги, с такой озабоченностью посмотрел на него, что Ваське стало неловко.

И все же, припоминая досаду последних дней, Васька упрямо мотнул головой:

— Хоть посижу в кабине. И вы, Борис Павлович, не принимайте меня за контуженого. Тут уже одни опозорились. А лучше по-настоящему, на все лето посадите меня на машину!

8

Зачем ему такая воля — отсыпаться в пустынный лагерь или собирать глиняные листочки в березовой роще? Зачем ему отдых, если не вспахал он вековую залежь возле Чижевического болота? Зачем ему зря слоняться меж палаток, меж берез, если через день его снова пошлют на прополку?

Ночь несет нам догадки, находки и откровения, и все, что неясно было днем, обретает свою ясность ночью. Хороша, хороша тихая ночь над серыми стволами берез, над безрентовыми пристанищами! И вот лежишь бессонный и все слышишь, даже крик первых петухов, этот вопрошающий крик, который доносится из ночной дали. Хороша ночь еще тем, что уже готов исполнить новый план и лишь дождешься рассвета.

Не нужен ему был ни сон, ни отдых, если и назавтра уготован ему скучный удел. Не на прополку же приехал он в березовую рощу! А если тайком направить трактор на то дикое поле, где пролегли лишь первые борозды, если вспахать нетронутую землю, в которой не обнаружится больше мин, то совсем другими глазами посмотрит на него Стодоля и, покоренный его бесстрашием и лихостью, навсегда поверит ему и станет поручать только первое дело, только первое дело.

«Ты и Дембицкий — вы же гвардия училища».

«И никаких там мин! — браво твердил он себе. — Засохшее болото, засохшая лужа».

А еще представлял он лужок возле обгоревшего колодца в своей веске и как на том ковровом лужке толпятся старики с медалями на новеньких пиджаках, как он, Васька, среди них, потому что и он крещен взрывом, и он рискнул пройти на тракторе все минное поле, лускай всего одна случайная мина ждала последнего часа, но и он рискнул, и он прошел, и он герой...

Дождался же рассвета он затем, чтобы легче было сманить Крыжа и Бусько, которые беспрекословно навесили бы другие, исправные плуги, и чтобы сторож машинного парка поверил им, поднявшимся ни свет ни заря.

Да, великолепна летняя ночь с иступленным звоном кузнечиков, с влажными звездами, с квасным запахом прудовой воды, с шелестом березовых листьев, с тихой возней какого-то жука, который вдруг пробежится по верху палатки, вдруг станет скрестись...

Когда затеваешь рискованное дело, надо быть посмелее, нечего выжидать. И едва белая мгла обозначилась в проеме палатки, Васька вышел, наступив на что-то упругое, хрустнувшее под ногой, и удивился, присев на корточки и обнаружив, что за ночь пробились у самой палатки тугие лисички. Затем он сунул спину в теплую ночь палатки, поднял за плечи Крыжа и, прикрывая ему рот ладонью, вполголоса сказал, что пора выполнять задание, опять собираться на дикое поле.

— Уже? — со стоном зевнул Крыж, вылезая из палатки и поглядывая на светлое небо, где оставался млечный месяц, оставались потускневшие звезды.

— Пора! — требовательно шепнул Васька.

И уже в другой, в соседней палатке растормошили они Бусько, который попытался отбиваться вялыми руками.

И, как разведчики, бесшумно покинули лагерь.

На плацу машинного парка Ваське показалось сначала, что сторожа нет, и Васька метнулся тотчас к трактору, на котором распознал припечатанные к кабине земляные комья, уже похожие на цементные, а затем ринулся искать исправные, матово отсвечивающие плуги.

И тут вышел высокий, тощий сторож, жердь в очках, и царственным голосом спросил, кто тут позволил им ходить, а Васька дерзко заметил, что надо знать, ради чего хранятся вместе с колхозными машинами учебные машины.

Светало уже, но светло было лишь здесь, на машинном дворе, где полевые машины выступали из сумерек и напоминали порой каких-то доисторических животных. А даль была пепельная.

И туда, в пепельную даль, повел Васька трактор, зябко поеживаясь и опасаясь, как бы не наладил Стодоля погоню, как бы не помешал ему распахать это дикое поле, которое вовсе не минное поле.

Да очень поздно спохватился Стодоля! То один гон, то другой, и свежие борозды, свежие борозды, похожие на гуталин, и вдруг обнаружится на пахоте изумрудная гильза, и, значит, вовсе не безопасно это гуляющее тыщу лет поле. Но диво! Слово бы вел трактор по дикому просу, по водяному перцу уже тот, другой Васька, друг и соратник партизан, побывавший на их печальной сходке, принятый в их боевой круг и поэтому ничего не страшившийся. Воображение уже посылало ему немало приветственных кличей и похвал заслуженных дядек, бывших партизан, воинов, орденосносцев, и никак нельзя было спастись перед трезвой мыслью. Да, могла еще одна затаившаяся, влипнувшая в болото, рассчитанная на долгие годы коварная штука обнаружить себя секундным грохотом, но это очень трусливые предположения, а тот Васька, вернувшийся этим же летом в свою веску и заслуживший признание бывалых дядек, — тот прошел целым-невредимым через забытое поле.

И если не отбрасывать воображаемые, будущие почести, все то, что принадлежит завтрашнему, какому-нибудь августовскому дню, то должен без опасений за жизнь, без ожиданий катастрофического взрыва закончить он пахоту. Тут, на этом поле, грозно пробудившемся вчера, он даже почувствовал, что становится храбрее, взрослее, мужественнее, чуть не солдатом становится. Вот как увеличивало его жизнь, его годы всего одно лишь утро!

И все-таки запоздал Стодоля, запоздал. Когда, измученный непрерывной работой на тракторе, кабина которого отражала солнечные лучи и была вся вроде бы в масляных пятнах, измученный ожиданием взрыва и сознанием трудной победы, Васька выключил двигатель, потому что не было более среди черной земли зеленой земли, и тихонько стал наборматывать песенку удачи, песенку сенокосной поры, на проселке появился бешено мчавшийся грузовик, стекла которого были янтарными от солнца.

А затем, увязая в бороздах, Стодоля прыгал по пашне и грозил кулаком издалека.

Оказавшись подле трактора, он все еще

потрясал кулаком и кричал отрывистые, с паузами, слова. Это были сплошь возгласы, несвязные укоры, восклицания, восклицания. И вот крыл его Стодоля на чем свет стоит, а Васька умиротворенно улыбался на все проклятия.

9

Никогда прежде он не задумывался глубоко, отчего на тех поминальных сходках партизан плачут пожилые, с сетчатыми от морщин лицами дядьки. И как-то не очень потрясало его то, что и после долгих лет остались в зеленой веске такие неподвластные времени следы: воронка от немецкой бомбы, в которой выросла липа, обгоревший дубовый сруб колодца. «Война же была!» — как самое понятное, говорил он себе и тут же забывал о дереве, поднявшемся из военной ямы, о черном пятне на дубовом срубе. И лишь теперь, когда свежо помнил мгновенный взрыв не постаревшей мины, он, покачивая головой и вздыхая, твердил, как помудревший сразу человек, о том, что ведь подобные взрывы, стрельба, ежеминутная тревога отрывали дядек от земли и не позволяли им ни пахать, ни сеять, ни востричь косу. «Война же была!» — уже совсем по-иному, с сознанием большой народной беды, повторял он теперь.

И очень настойчиво думалось ему об этом, едва он, обруганный Стодолой, появился в березовой роще и повалился прямо на земляничную землю спать. И очень настойчиво думалось об этом и позже, когда пробудился, чувствуя, как стянуло лицо от жгучего солнца, от долгого припека, и когда сидел на той же земляничной земле, нехотя собирая рдевшие повсюду ягоды и томился в ожидании хлопцев. Невыносимо быть одному в палаточном городке и стыдно спать, когда ползают где-то на просе хлопцы. «Зато вспахал я!» — устало гордился он. — «Такое поле вспахал».

И, снова заслуженно оказываясь на партизанской сходке, переносился туда воображением и будто отвечая крепким рукопожатием на каждую восторженную, признательную, корявую речь, он и от своих приятелей ожидал восторгов. Он вспахал дикое поле, он прошел через минное поле!

Но ожидания не сбылись.

Тихие, с грустными глазами, вернулись хлопцы к вечеру, такие же тихие и будто ленивые сидели они затем за тесным столом, приобретшим от солнца янтарный цвет.

«Да чего они, не знают они про поле, про то, как я на том поле, как взорвалось на том поле?» — обижался Васька

невниманием к себе и потому вставал вдруг, черпаком тянулся к громадному чану, предлагал кому-нибудь добавки и плескал в миски без разбору. «Ну и народ!» — возмущался он, ожидая хоть какого-то бедного словца одобрения.

И тогда, с вызовом взглянув на Стодоло, он захотел, чтоб вновь с бранью набросился на него Стодоля, и он бы возражал Стодоле, и все понимали бы, какой подвиг совершил он, Васька.

Но и мастер словно позабыл о том, что можно вновь упиваться руганью.

— Чего они все? — полюбопытствовал Васька, покинув кислое сборище за столом и оказавшись возле колючего в этот день Стодоли.

— Они уже переволновались за тебя, успокоились уже, — отвечал холодно мастер, наклоняясь и выдергивая сорную травку, прицепившуюся к пыльной сандали.

— К чему волноваться, если у каждого было свое дело? Я выполнил свое задание, они выполняли свое. Я же отчаянный человек, Борис Павлович.

— Вот и переволновались хлопцы за твою жизнь, — упрекнул все-таки мастер, сунув Ваське в нагрудный кармашек рубашки сорную травку, увенчан таким образом его за подвиг и усмехнувшись при этом загадочно. — А еще они двойную норму выполняли. Все просо пропололи. Они у нас герои.

Странно: как только назвал Стодоля героями этих молчаливых хлопцев, разбредавшихся по палаткам, так словно бы зависть к ним пробудилась в Ваське. Он сам называл себя героем в этот день, героем был и тогда, когда спас гараж, спас и неуправляемый трактор, а теперь выходило так, что герои все они, полеводы, лишь они, они, исползавшие все просовое поле.

— Зачем же такая спешка на прополке? — ревностно спросил Васька.

— А что завтра другое дело.

— Опять прополка?

— А как на войне? — отрывисто бросил Стодоля и, как показалось Ваське, кивнул как раз в ту сторону, где и отгремела последняя военная мина. — Как на войне? Любое задание выполнять! Любое!

— А вы, Борис Павлович, вы были разве на войне? — молвил Васька и тоже кивнул в ту сторону.

— Сам я сорок пятого года рождения. Так что... А батька мой воевал. Да и

сколько еще фронтовиков и тут, и в Озерщине, и в Речице!

— Я сам, я сам бывал на сходках партизан! — стукнул Васька себя в грудь, точно поклялся в этом, и тут же устыдился своего бахвальства: «Зачем я про это? Стодоля сам из семьи фронтовика, Стодоля тоже про подвиги слышал от батьки...»

Полосатые тени легли от стволов берез на земляничную землю, еще светлы были брезентовые верха палаток, серебрилась береста на стволах, а уже никого не было видать в роще.

— Да где же все? — поразился Васька.

— Спят, — виновато подсказал мастер. — Переволновались, потом поле переположи. Спят герои.

— Да что же это? — усмехнулся Васька и присел на корточки, будто заглядывая в сумрак своей палатки.

— Загляни! Загляни! — поощрил Стодоля и окунулся в сумрак душной палатки.

Дембицкий спал, уткнувшись носом в темный кулак, а Крыж спал на спине.

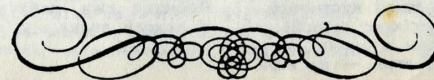
Затем в соседнюю палатку пробрались они вдвоем, затем еще в другой палатке наступили на связку камышовых тросточек с меховыми початками, потом еще в какой-то палатке едва не наступили на шахматную доску с поверженными лакированными фигурами — и всюду было сонное царство, всюду прикорнувшие хлопцы.

И вот тут что-то переломилось в Ваське. Он вдруг почувствовал себя виновным в этом их раннем сне, в том, что все они беспокоились за него, волновались, не зная, уцелеет ли он на том диком поле, которое сберегало единственную мину, а он вовсе не думал о них, пахал залежь, он думать не хотел ни о них, ни о Стодоле.

В остальные палатки он уже стеснялся заглядывать, зная, что и там лежат хлопцы, честно прошедшие весь день в поле на простой, скучной работе, которая так возвысила их. Шурясь от солнца, стараясь побыстрее покинуть Стодоло и поспешить через березовую рощу к пруду, берега которого в кайме сплошных листьев, как в зеленой чешуе, он бормотал:

— Да, они молодцы... Весь день на прополке, двойную норму выполнили. А работа нелегкая, любой свалится, сам знаю!

И получилось так, что уже не Стодоля, а он, Васька, хвалил этих приятелей, сраженных сном задолго до ночи.

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали. Вот из лесу вышли — навстречу как раз Синюющей лентой, извилистой, длинной, Река луговая: спрыгнули гурьбой, И русских головок над речкой пустынной, Что белых грибов на полянке лесной! Река огласилась и смехом и воем: Тут драка — не драка, игра — не игра...

А солнце палит их полуденным зноем, Домой, ребяташки! Обедать пора. Вернулись. У каждого полно лукошко, А сколько рассказов! Попался косой, Поймали ежа, заблудились немножко И видели волка... у, страшный какой!

Н. А. Некрасов

Непослушники

Было это на Шантарских островах. Пошли мы с товарищем по речке Якшиной рыбу поудить и вдруг видим... Метрах в тридцати от берега, на поляне, заросшей брусничником, сидит огромная бурая медведица. Мы притаились... Медведица смотрела на соседнюю лиственницу. Мы тоже перевели свои взгляды туда, и... нам стало жарко! На дереве копошились два медвежонок. Они зацепились за первый сучок и не хотели больше ничего делать. Это не нравилось их матери. Она слегка ворчала на них. Потом рыкнула громче и подошла к дереву. Один медвежонок полез выше, а второй остался на месте. Мать-медведица встала на задние лапы и передними стала подталкивать второго выше. Он сопротивлялся: не хотел лезть дальше. Тогда она так щипнула его, что тот свалился на землю и бросился наутек. Мать в три прыжка догнала его и за шиворот снова притащила к дереву. Все началось сначала.

— Обучаются лазить, — заметил мой товарищ.

— Да, похоже, — ответил я и про себя подумал: «Чего доброго, еще шулунишка медвежонок побегит в нашу сторону? Невесело нам придется!»

Тем временем оба медвежонка почему-то свалились с дерева, но медведица рыкнула на них, и они наперегонки стали смешно карабкаться вверх. Так повторялось несколько раз. Наконец медвежатам надоело это занятие, и они не стали слушать мать. Тогда медведица сама полезла на дерево и оттуда стала звать детей к себе. Но, почувствовав свободу, медвежата бросились наутек к кустам кедрового стланника. Это разозлило медведицу не на шутку. Она проворно слезла с дерева и побежала за непослушниками. Догнала их в кустарнике. Раздался не то писк, не то визг малышей, и они выкатились на поляну.

Хрустнула ветка под нами, и медведица настороженно посмотрела в нашу сторону. Шерсть вздыбилась на загривке. Она зафыркала и бросилась в чащу. Медвежата скрылись следом.

Г. Росляков

Вот так находна!

Прошли дожди. Стоит теплынь. Откуда такая прорва белых?

Наверное, урожай грибов зависит от солнечной активности. Первый раз в жизни принес целую корзину, ощущая приятную тяжесть, усталость. На столе — парад грибов.

Плотные, приземистые, с золотистыми, бурными, темными шляпками.

Кажется, что выстроились шеренги богатырей в боевых доспехах. Впереди на белом коне с черной гривой — Илья Муромец, смотрящий вдаль из-под козырька ладони; по бокам на вороних, бравые и сильные, — Алеша Попович и Добрыня Никитич.

А это что за чудо природы?

Пять грибов, сросшихся по ранжиру, один другого меньше, шагают в боевом охранении.

И еще три тоже сросшихся грибка: самый большой, пухлый, золотоголовый, — отец семейства; чуть поменьше, в плюсовом платочке, — мать; а между ними, под родительской опекой, совсем еще маленький, светлокудрый

Рис. И. Кошкарёва

Фото А. Иванова
и Р. Воронова

пупырышек, скорее всего сын. Мать, склонив голову, будто нашептывает:

— Подрастай, сынок. И становись в общий строй!

А вот гриб-великан, похожий на колокольню Ивана Великого, с которого посматривает дозорный — небольшой грибок.

Шагает неисчислимая рать!

„Лесная конфетна“

Грибы прячутся, а люди ищут их «днем с огнем». Игра в прятки. Говорят, что гриб остерегается грубого слова, дурного взгляда, даже запаха.

Глянул на гриб — непременно бери, иначе расти не будет. Раскрытого ножа тоже боится. Спрячь оружие — гриб улыбнется, сам полезет в руки. Вот уже полные корзинки, некуда класть. А лишь соберись домой, как грибы, словно нарочно, появятся в изобилии, разжигая страсть и досаду. Грибы требуют ласки, уважения к себе. Злому человеку они не даются. Отправляйся в лес с открытым, добрым сердцем. Жадный, алчный человек набрасывается на грибы, как коршун на добычу, выдерживая их с землей. Другое дело — подрезать грибок не торопясь, с наслаждением, больше для удовольствия, чем для выгоды. Конечно, неплохо наполнить корзинку, поджарить, засушить. И когда мало грибов, достаточно одного сладкого, неповторимого, душистого запаха от распаренных, потом высушенных в русской печке грибов, от которого здоровеешь, если приболел или устал от городской суеты.

Отломишь маленький кусочек от белого грибка и сосешь, как конфетку, начиненную всеми сладостями и запахами леса. С его пряным вкусом ничто не сравнимо на свете!

Кто не ощущал грибного аромата, не пробовал «лесной конфетки», непременно отведайте. Не пожалеете!

Н. Гуцин

Отыщи трюфель

С этим грибом мне довелось встретиться только дважды. В первый раз он чуть приподнял хвою, и я принял было его за пробивающийся белый. А когда раскопал землю, то нашел с десяток таких же грибов, самый большой из которых был с крупной картофелин.

В другой раз трюфель попался уже выкопанным (видимо, кто-то принял за белый, но, заметив ошибку и ничего не зная о трюфелях, бросил). Правда, рядом я ничего не нашел.

В промежутке между этими знакомствами в одном из архивов мне попала на глаза заметка М. Пришвина в «Охотничьей газете» о собаках, которых приучали отыскивать ароматные грибы. Автор даже называл село под Загорском, где в начале нашего века жители сплошь занимались промыслом с собаками деликатесного гриба.

Когда я принес этот один-разъединственный гриб в деревню, первым делом его показал хозяину дома. Рассказал, что знал о трюфеле и о том, как его ищут. В ответ хозяин недоверчиво усмехнулся, вероятно из приличия, ничего не сказал.

Десятилетний же сынишка его стал настойчиво расспрашивать, как научить свою дворнягу Тобику искать грибы.

Дрессировать собак мне не приходилось, но отступать было неудобно.

Я, как мог, объяснил мальчику, что собаку некоторое время следует не кормить, а потом на ее глазах разрыть предварительно закопанный трюфель и дать кусок хлеба. Повторяя эту нехитрую процедуру, можно добиться, чтобы она сама находила грибы.

А года через два мне вновь пришлось заглянуть в эти места. И первая же новость обрадовала меня: тот единственный урок не прошел даром. Маленький хозяин Тобики рассказал, с какой горячностью он принялся тренировать собаку.

Первым делом мальчик раздобыл для верности десяток кусков сахара. Собака смотрела, как он манипулировал с трюфелем, недоверчиво нюхала гриб, но сама искать все-таки не хотела. Вскоре лакомство кончилось, и занятие надоело обоим.

Но однажды деревенские ребята собрались за грибами. Как всегда, за ними увязался и Тобик. Когда ходили по лесу, собака вдруг остановилась и залилась громким лаем, разгребая при этом землю. «Мышь нашла», — решили все и пошли было дальше. Однако пес настойчиво крутился около этого места. Один из мальчиков догадался ковырнуть землю ножом.

— Смотрите, картошка! Откуда она здесь? — удивились ребята.

Стали копать рядом и нарыли целую грудку «картошки». Тут-то и вспомнился трюфель. Когда грибы принесли домой, то никто не знал, что с ними делать. Потом в школьной библиотеке нашли книгу о грибах. Узнали: трюфель можно есть. Нажарили — вкусно.

С. Бунин

АЗБУКА народной мудрости

Весна красна цветами, осень грибами.
Грибы растут в лесу, а их и в городе знают.

Лесу нет, и гриб не родится.

Под большим деревом и гриб вольготней живет.

Будет дождик, будут и грибки, а будут грибки, будет и кузовок.

По насту грибов не берут.

И зимой съел бы грибок, да снег глубок.

Где один гриб, там и другой.

Плесень на ветоши — к урожаю рыжиков.

Много мошек — готовь лукошек (по грибы).

Облака стали цепляться за лес — иди за грибами.

Первый туман лета — аерная грибная примета.

Парной туман над лесом — пошли грибы.

Грибы ищут — по лесу рыщут.

Не поклонясь до земли, и грибка не подымешь.

Ленивому гриб не стоит поклона.

Назвался груздем — полезай в кузов.

Затянулись дожди — груздей не жди.

Стар гриб, да корень свеж.

Гриб растет в лесу, вари его в квасу.

Поздний грибок — поздний снежок.

Появились опенки — лето кончилось.

В голубом высоком небосводе мазки светлых облаков. А у далекого горизонта все чаще теперь увидишь черные сетки грачных стай: облеты пробные делают. Налетаются, зададут пернатой молодежи урок и рассядутся на

свежем живые — будто головешками закидают прибранное поле. В лугах ватажаты скворцы, вихрем срываясь от малейшей опас-

ности. Их полет трепетный, воздух содрогается от кипения крыльев.

Днем порой бывает еще так жарко, что о спаде лета и думать не приходится. Кругом август пленительный! Но уже ночи резко посвежели, от заката до

рассвета дольше стало. Солнце поутру не скоро подбирает тяжелую росу, особенно с поемных лугов и лесных полей. Жемчугами, брильянтами блистают тогда росные травы, будто волшебником разукрашенные.

Жухнут застарелые неко-си с их грубостебельными пижмами, луговыми васильками и донниками. Рядом кое-где достают велико-лепные нивянки, прозывае-мые в быту большими ромашками. Насыпи все еще обметаны разноцветным вьюнком. Интересно: венчи-ки этой травки утром розо-вые, днем красные, а вече-ром кажутся совсем белы-ми. Прямо-таки растение-хамелеон. В саду пора рослых георгинов. Цветы головастые, красочные, с толстыми зелеными стебля-ми и крупными резными листьями. Георгинам и вен-чать садовое лето. В яркий погожий день георгины оста-новят даже равнодушного человека: вот как хороши, любуйтесь!

Вянет лето. В двадцатых числах с берез и лип нач-нут слетать первые раскра-шенные листочки. Так открывается листопад. Запишут фенологи в свои тет-ради и сведения об отлете таких птиц, как кукушки, стрижи и городские ласточ-ки. Чтобы лучше просле-дить за характером фено-логического явления, при отлете птиц замечают: на-чало отлета, массовый отлет

и срок, когда видны были последние птицы.

На лугах голубыми бан-тиками украсился цикорий, по-другому — петровы ба-тоги: жесткие длинные вет-ки без листьев — как есть батог. В розовых клубках соцветий чертополоха ро-ются шмели и пестрые ба-бочки. Вдоль садовых до-рожек краснеют тяжелые хвосты амарантов, широко

раскинулось лепестковое кружево гортезий. В кон-це лета их султаны подер-нуты пурпуром, а пока светлые-светлые, до блеска.

Наступил зенит грибной поры. Где только не уви-дишь грибки с корзинкой! А находки самые разные. Увесистые моховики и стройные подберезовики, толстогубые свинушки и крепкие, с чайное блюдо зеленые сыроежки. В сухом чернолесье нет-нет да попа-дется белый гриб, тугой, не источенный личинками насе-комых. Не спешите уходить с места находки, осмотри-тесь, ведь боровики семьями держатся.

У любителей ягод свои радости. Брусника поспела, это ль не диво! На опуш-ках, по вырубкам цветным рядом стелется яркий брусничник. Среде зелени листочков красными монис-тами кажутся сочные, вкус-ные ягоды. Собирайте их споро, только горсточками сдвигивать успевайте. Брус-ника хороша свежая, в ва-ренье, джемах и совсем отменна моченая. Банка моченой брусники окажется зимой самым лучшим лес-ным подарком.

Гуще румянец калин и рябин. Теперь уж не прой-ти равнодушно мимо этих симпатичных кустиков. Ря-дом дозревают, набирая крутые ядра, лещинные орехи. Осторожно снимайте орехи, не ломайте зря цен-ные деревца.

А. Стрижев

ВОДЯНИКА

Была я в экспедиции на реке Индигир-ке, в холодном Оймяконе, где, как извест-но, находится полюс холода. Природа там суровая и очень красочная. Быстрая, ши-роководная река с порогами, высокие хребты. Летом, когда белые ночи путают день с ночью и золотистый закат допозд-на освещает вершины, так и хочется бро-дить по тайге сутками, тем более что ин-тереснейших растений здесь полным-пол-

но, и для ботаника это поистине неизве-данный край. Каких только красочных растений в пути не встретишь! Пойдешь в топкий лиственничник, и нога утопает в мягком, красочном ковре. На нежно-зе-леном фоне сверкают крупные красные ягоды арктоуса, или северной волчьей ягоды. Как бы аппетитны на вид эти ягоды ни были, есть их нельзя: они ядо-виты! Рядом с ними блестят, как черные бусины, ягоды водяники. Есть-то их мож-но, но попробуешь одну и сразу почув-ствуешь водянистый неприятный вкус. На Камчатке, рассказывали мне старо-жилы, прозвана эта ягода водяникой за то, что хорошо утоляет жажду.

Листья водяники резко отличаются по форме от других листьев. На первый взгляд их можно принять за хвоинки — маленькие, тонкие, торчат они на побеге во все стороны. Но нет, водяника отно-сится к семейству водяниковых и недале-кая родственница клюквы! Листья водяни-ки зелены зимой и летом. Чудеса! У по-люса холода вечнозеленое растение! Но

водяника не одинока, рядом, здесь же в тайге, растут ее вечнозеленые собратья — клюква, брусника, багульник!

Вечнозеленые листья водяники устроены своеобразно — сверху они блестящие, жесткие, с завернутыми внутрь краями, поэтому лист похож на хвоинку.

Редко кто замечает мелкие, невзрач-ные цветочки водяники, но наблюдатель-ный натуралист, рассмотрев цветки одно-го водяникового ковра, заметит, что все цветки имеют только тычинки, а другой ковер, который находится далеко от пер-вого, имеет цветки только с пестиками. Загадку эту разгадать в наше время про-сто. Сразу можно предположить, что тут секрет переопыления. И действительно, тонкий, нежный аромат маленьких цвет-очков манит шмелей. Вот и работают шмели, перенося пыльцу с одного ковра на пестичные цветочки другого. А уже в июле на коврах чернеют блестящие, очень аппетитные на вид, но водянистые на вкус ягоды.

М. Мазуренко

ЗНАКОМЫЕ
НЕЗНАКОМЦЫ

СОЛНЦЕ НА СКАЛАХ

Фото С. Мараква
и В. Кудряшова

Арий Камень

Арий Камень — один из Командорских островов. Он настолько мал, что на редкой карте найдешь его. Но именно к этому крошечному островку и направлялся почтовый наш катерик, подпрыгивая на каждой волне, продираясь сквозь привычный и надоевший всем туман.

Из темной, непрозрачной воды торчали отполированные морем камни. Одни из этих камней были пустыми, на других лежали черные блестящие туши — морские львы. Львы что-то трубно кричали, переговаривались друг с другом, потом прямо с высоты бросались в воду, потом снова взбирались на камни, помогая себе широкими сильными лапами.

Вдруг сильно и резко подул ветер. Слово мокрой кистью размыл он стену тумана, и впереди прямо из океана выросла белая пирамида. Так вот ты какой, Арий Камень!

Острые скалы громоздились со всех сторон, остров казался неприступным, и от одного только вида этой картины становилось страшно.

А когда катер одолел еще метров двести, когда хриплый рев двигателя перекрыл тихий рокот прибора и донесся до острова, мы замерли как вкопанные: остров неожиданно на наших глазах стал ярко-зеленым, в небе же повисло гигантское белое облако. Облако было живым, оно металось взад-вперед, опускалось вниз, поднималось вверх, шумело на все лады, ежесекундно изменяло форму, роняло в воду перья. Сотни, нет, тысячи, десятки тысяч облепивших Арий Камень птиц — чаек, топорков, бакланов, кайр — разом взмыли в воздух, напуганные нашим появлением.

И еще через минуту на берег откуда-то сверху выбежал высокий широкоплечий парень в брезентовой куртке, сапогах до колен, с полевой сумкой через плечо. Парень размахивал руками и кричал что было сил: «Почту, почту привезли?!»

Почту мы привезли для всех троих. Для вирусологов Александра Александровича Сазонова и Галины Викторовны Гостинниковой — письма из Москвы, для орнитолога Людмилы Владимировны Фирсовой — бандероль из Ленинграда. И нужно было видеть поистине детский восторг этих взрослых людей, сотрудников крупных научно-исследовательских институтов, читающих здесь, на Командорах, строчки, написанные где-то на Арбате, Таганке или Литейном проспекте.

Пока Сазонов с помощью Гостинниковой разгружал катер, уносил в палатку ящик с хлебом и здоровенные бидоны с пресной водой, Фирсова водила нас по острову. Лучше ее Арий Камень никто не знает. Уже второй год подряд приезжает она сюда, проводит по пять долгих месяцев на краю земли, изучает птиц, и трудно представить себе человека, настолько довольного жизнью. Ведь для орнитолога такой птичий базар — лучшая из находок. Пятнадцать пород птиц, и все непуганные, человека не боятся. Подходи и бери любую руками!

Тропа к верхней точке острова, куда вела нас Фирсова, оказалась достаточно крутой, и мы едва поспевали за нашей проводницей. А она шла впереди всех и еще успевала рассказывать, как красивые взрослые топорки, какие огромные встречались ей чайки и как уникальна красноногая говорушка — только здесь ее и можно увидеть.

Последние метры подъема, и мы останавливаемся перед крошечным брезентовым домиком. Домик — тоже хозяйство Людмилы Владимировны. Называется он «засидка». Вооружившись фотоаппаратом, Фирсова может сидеть в засидке круглосуточно, пока кто-нибудь из товарищей не влезет наверх и не погонит ее спать. Зато фотографии, сделанные ею, чудесны. Особенно запомнилась мне фотография топорка с рыбой: желтые косячки растопырены, сам мокрый насквозь, но зато какая солидная добыча трепещет в клюве — размером почти с хозяина!

У Сазонова и Гостинниковой тоже забот хватает. Так они и живут втроем на этом клочке суши, затерянном на бескрайней ладони океана. Пять часов на сон, два — на еду и книги. В остальное же время работа, ради которой они откладываются от летних отпусков, путевок на курорты и прочих благ.

Пора было уезжать. Провожать нас вышла вся дружная колония. Вызванный нашим неожиданным появлением переполох в пернатом мире улегся, и птицы спокойно чистили перья, ныряли за рыбой, кормили детенышей и занимались другими важными делами. Катер был уже далеко, снова опускался туман, и с большим трудом могли мы различить три фигурки на серой скале.

Еще долго жить им на острове, среди камней, в краю непуганых птиц. Но я знаю точно, что потом, вернувшись домой, они часто будут видеть во сне и пирамиду острова, и волны, бьющие в камень, и чаек, выпрашивающих хлеб прямо возле палатки.

В последний раз прогудел наш катер. Вокруг было только море, и на камнях кричали, подзывая друг друга, морские львы.

Хозяин лежбища

Золотистая лента песка, разлинованная бурными нитями водорослей, убегала вдаль. Метрах в двадцати кипел и грохотал океан. Дорога свернула вправо от берега, и теперь под тяжелыми гусеницами одна за другой лопались кочки да сочно хлюпала трясина. Только часа через два, когда солнце стояло уже высоко, машина остановилась возле маленького домика, крытого шифером.

Навстречу вышел человек лет пятидесяти. Поправив накиннутую на плечи куртку, он поздоровался. Тщательно, я бы сказал,

придирчиво осмотрел разрешения на осмотр лежбища. Потом спросил: «Что ж вы Старостина моего с собой не прихватили?» — «Николай Михайлович в селе задержался», — ответил шофер. — Сказал, что завтра обязательно придет». — «Скорей бы, — вздохнул Никулин. — Осмотр проводить пора, а у него, видите ли, дела в селе. А мне сейчас без ветеринара — хоть караул кричи!»

Собственно, нет такой должности — хозяин лежбища. Нет и никогда не было. В официальных документах предусмотрена лишь должность биолога-наблюдателя. Но жители Никольского рассказывали мне, что

величают все Петра Георгиевича Никулина только этим титулом.

Местные старожилы помнят, как давным-давно приехал сюда с Большой земли парень, отрекомендовался сотрудником ТИНРО — Тихоокеанского института рыболовства и океанологии — и поселился на самом краю острова, где день и ночь бьет о берег море.

Несколько лет спустя парень стал кандидатом наук, но по-прежнему жил здесь. Друзья подсмеивались, что дом можно смело заколотить — редкий день и далеко не каждую ночь проводил он под крышей. Спрятавшись за камнями, он с интересом уче-

ного и восторгом туриста наблюдал за своими подопечными: за их режимом, питанием, играми.

Как-то, поддавшись на уговоры врачей и друзей с материка, Никулин перебрался в Грозный: и климат там помягче, и жизнь поспокойней.

И вдруг на тебе! С первым же весенним теплом Петр Георгиевич воз-

вращается. Не так-то, видно, легко взять и уплыть от скалистых командорских берегов. Особенно если на этих берегах — дело, которому ты отдал десятки лет жизни и которое еще не доведено до конца. И снова большую часть года он вел наблюдения, а зимой на материке обрабатывал скопившийся материал. Материала было очень

много, и его приходилось отправлять багажом.

Все это я узнал еще до встречи с Никулиным. А сейчас мы шли вместе с ним к лежбищу, до которого от его дома не больше километра.

Вот и лежбище. «Тихо! — скомандовал Никулин и поднес палец к губам. — Зверей мне не распугай-те!»

Берег пересекала пополам длинная и узкая деревянная галерея, поднятая на столбах. Справа и слева от галереи лежали котики. Взрослые лениво отдыхали, малыши проворно сновали к воде и обратно.

Морские котики... Кто же придумал такое название — «котики»? Воздух от их рева содрогается, как от гула колоколов, а деревянные столбы качаются даже от шутивого толчка животного.

Об этих интереснейших существах известно еще немало и книг тоже написано много. Был даже такой казус. К юбилейной дате — 220-летию со дня открытия Командор — выпустили памятные значки. На значках художник с материка изобразил котика: черного, веселого, а главное... с хвостом! Увы, ни у одного котика со дня сотворения мира хвоста не было! Все командорцы тогда от души посмеялись, к чему приводило незнание зоологии!..

— Но вы-то наверняка все про них знаете? —

спросил я у хозяина лежбища.

— Не все, — улыбнулся он. — Не знаю самого главного: почему на земном шаре считанные единицы мест, где живут котики? Почему они приплывают на Командоры, а на берегах, скажем, самого Камчатского полуострова не появляются ни разу? Вот что понять необходимо.

Так и не успел Петр Георгиевич ответить на этот вопрос. Недавно я получил письмо с Командор. Товарищ писал, что было землетрясение, что остров впервые посетило большое стадо каланов — морских выдр, которых раньше видели только на соседнем острове — на Медном. А в конце письма было написано: «Никулин уехал в Грозный. Материалов собрал много, как никогда. А через месяц там, на материке, и умер. Перед смертью ему казалось, что он у нас, на острове Беринга. На его тумбочке нашли блокнот. В блокноте было начало статьи: «К во-

просу о распространении котиков...»

Я бы очень хотел, чтобы каждый, кому посчастливится побывать на северо-западном лежбище острова, вспомнил, что был такой прекрасный ученый — Петр Георгиевич Никулин, хозяин лежбища. Человек, влюбленный в Командоры.

Отлив

Об отливах на Командорских островах нам рассказывали буквально чудеса. Будто бы накроет отлогий берег волна, а когда океан схлынет, на литорали — полосе отлива — можно найти самые невероятные вещи. Говорят, что туристы по сей день бродят по песчаной косе, надеясь отыскать если не целый ске-

лет, то хотя бы череп коровы Стеллера — морского животного, вымершего много лет назад.

Юлий Арбиджер, ответственный секретарь газеты «Алеутская звезда», превратил свою квартиру на острове в настоящий музей даров моря. С потолка свисают пунцовые морские звезды и гроздь кораллов, стены увешаны чудовищных размеров бивнями, а в прихожей едва умещается лопатка акулы. Усадив нас на китовые позвонки, с успехом заменяющие стулья, хозяин убеждал выбрать время и хоть пару часов ползать по литорали.

Времени оказалось больше чем достаточно. Попутных машин не было, и все двадцать километров, отделяющих лежбище котиков

от Никольского, пришлось идти пешком вдоль берега по мокрому, вязкому песку. Над самой водой с криком, пронзительным и звенящим, носились чайки, метрах в тридцати на высоком гребне волны с плеском играла нерпа, прямо под ногами тянулась елочка песочного следа.

Первая находка не заставила себя ждать. Неожиданно в глаза ударила яркая вспышка, будто солнечный луч плеснул в стекло. Это и было стекло: зеленый шар почти метрового диаметра — буй от невода — плавно покачивался возле какой-то коряги. Невод, верно, еще недавно принадлежал какому-нибудь рыболовному суденышку и был украден штормом. Потом мы обнаружили пластмассовую крабововку, несколько замысловатой формы бутылок заграничного происхождения, плетеную туфлю с ярким рисунком. Теперь стало понятно, почему моряки жалуются: волна как сорока, что плохо лежит — стащит.

А отлива все продолжалось, и полоса песка, покрытая кружевом водорослей, становилась шире и шире. Щедрое на сувениры Берингово море продолжало удивлять нас.

На плоском, как тарелка, и твердом, как дерево, листе лежали минимум двадцать морских ежей. Половина были шарообразные, половина — сплюснутые, с панцирем, украшенным не иголками (их давно счистил песок), а дивным орнаментом, будто вырезанным на кости.

Раковина, переливающаяся изумрудным цветом самого сочного тона. И другая — странно изогнутая в форме саксофона, вобравшая в себя, кажется, весь цветовой спектр.

Три костяные пластинки, прилипшие к куску глины. Рассмотрели и в какой раз

за день изумились: три зуба трех разных животных. Морского льва, кашалота, котика. Но почему они вместе? Даже наши спутники биологи так и не разобрались в этом.

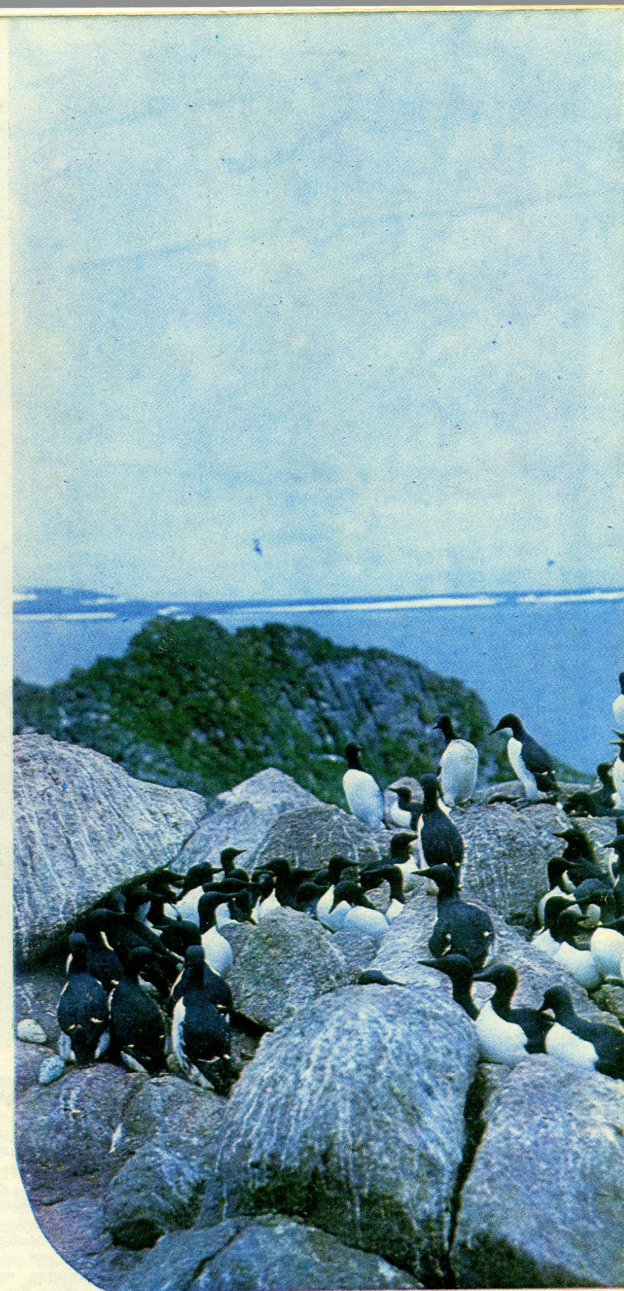
Вокруг быстро темнело, и вялые лучи солнца растворялись в черной воде. Последнюю находку, сделанную на косе возле Никольского, мы смогли разглядеть лишь при свете фонаря. На ладони лежали красные отшлифованные камни с ноготь величиной. Из матовой поверхности выступали антрацитово-черные бугорки — моллюски, окаменевшие еще за миллионы лет до того, как на далеком острове появились люди и к причалу подошли первые корабли.

Мы поднялись на холм и обернулись. Там, где только что была суша и можно было пройти, не замочив ног, опять бушевал океан, унося в свою пучину не найденные никем дары. Начинался прилив.

...Я закончил свои заметки о Командорах — лишь малую часть того, что можно было бы о них рассказать. Отложив перо, подумал: «А что, действительно, запомнилось больше всего? Природа — еще дикая, непокоренная и неподвластная пока человеку? Животные, которых не увидишь в зоопарках? Птицы?»

И вспомнил: черная скала у самого берега. Раннее утро — такой чистоты и прозрачности, какие бывают в этих суровых краях два-три раза в году. Медленно встает солнце и выливает на камень обжигающее расплавленное золото. И тогда скала, холодная и темная, становится горячей и золотой. Скалы вокруг неузнаваемо меняются, оживают тоже. Мы сидим на берегу и смотрим на эту сказочную красоту, равную которой трудно увидеть.

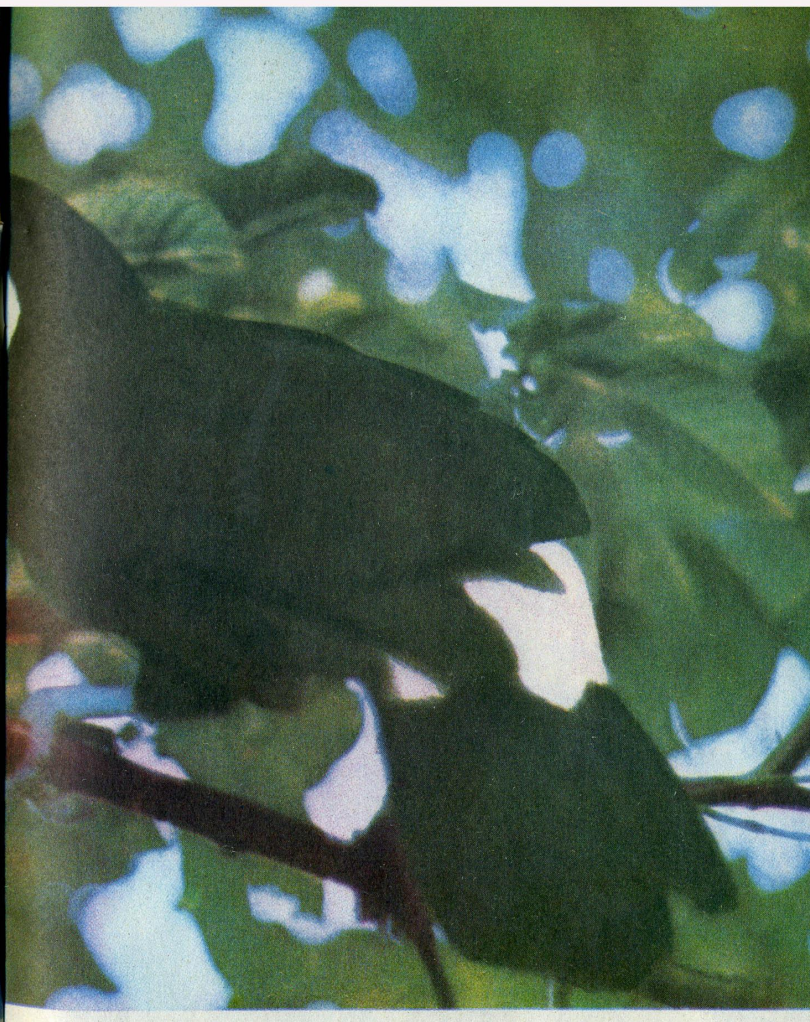
Евг. Барас

Туканы чрезвычайно своеобразные птицы. 37 видов этого семейства до сих пор живут только в Центральной и Южной Америке, от Южной Мексики до Северной Аргентины. Но главная их обитель — тропические леса Амазонки.

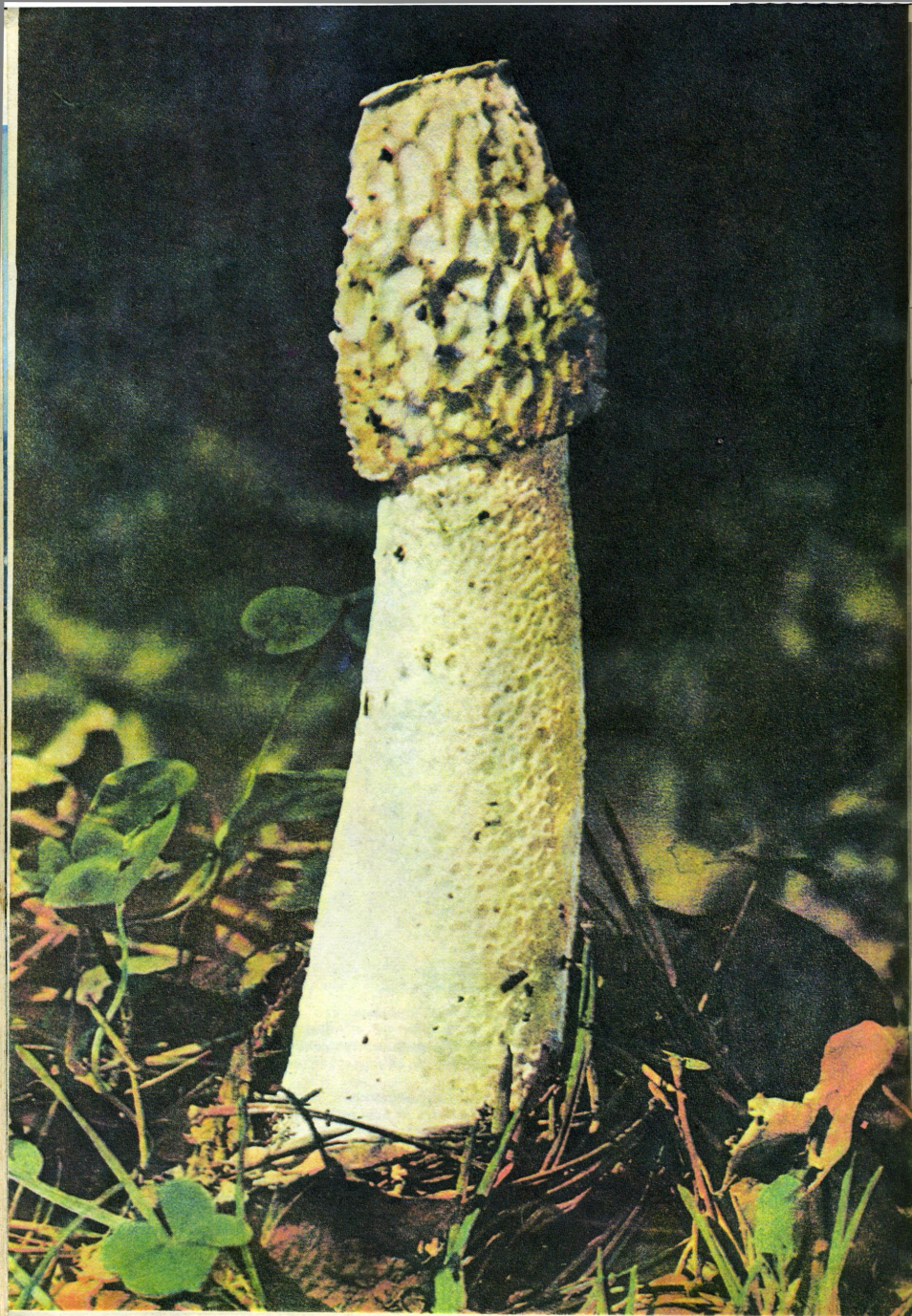
Благодаря огромному клюву, иногда достигающему длины тела, и яркой окраске, тукана нельзя спутать ни с какой другой птицей. Его твердый клюв легок и прочен. Внутри он ячеистый, а его ороговевшая поверхность связана крепкими костными перегородками, что делает всю конструкцию необычайно жесткой. До сих пор ученые не могут найти точного ответа, как и зачем возникли такие клювы. Это не оружие нападения и защиты, это даже не приспособление для питания туканов. Их основная пища — различные фрукты и изредка насекомые — вовсе не требует такого огромного и громоздкого клюва. Скорее наоборот. Небольшой острый клюв, как у многих других птиц — фруктоедов, был бы гораздо удобнее. Несмотря

на это, туканы прекрасно управляют своим клювом. Его края с небольшими зазубринами очень острые. Птицы срезают ими фрукты с дерева. А затем быстро, рывком закидывают голову назад. При этом ягода или кусок большого плода падает прямо в глотку. Совершенно так же они пьют, зачерпывая воду концом клюва, как ложкой.

Туканы — одни из самых шумных обитателей тропических лесов. Тукан токо, которого вы видите на фотографии, громко каркает, кудахчет, скрипит, щелкает клювом весь знойный день. Его хриплые, неприятные для человека звуки, далеко слышны в лесу. Летают туканы всегда небольшими группами по 5—6 птиц. Туканы плохие летуны, хотя полет их легок и грациозен.

Туканы и их самый крупный представитель тукан токо — красивые и необычные птицы. Многие особенности их биологии продолжают волновать и интересовать ученых, ведь их тайны еще не открыты до конца.

ГРИБЫ- ДВОЙНИКИ

Весна — сезон грибами небогатый. Открывают грибной календарь строчок обыкновенный, сморчок конический, сморчок настоящий и сморчковая шапочка. Появляются они в середине апреля — начале мая, когда в средней полосе по оврагам, а местами и в лесу еще лежит снег. Но растут не везде. Легче всего найти их близ лесных дорог. Сморчки и строчки — грибы съедобные. Перед употреблением их необходимо отварить в кипящей воде, а затем, слив воду, тщательно промыть. В прохладную погоду эти грибы растут до середины июня.

В это же время на гнилой древесине появляется строчовик круглоспоровый. Съедобен он или нет, пока неизвестно, так что в

пищу этот гриб употреблять не следует. У него бесформенная ножка, вся в глубоких впадинах (ямчато-желобчатая) и волнистолопастная коричневатая шляпка.

Несколько позже, в июле, в широколиственных лесах появится гриб, похожий своей складчатой темной шапочкой на сморчки. Его иногда называют сморчок воюющий. Но это родственник дождевиков — веселка обыкновенная (фото слева). Молодой гриб похож на беловатое яйцо. В это время он съедобен. Позже оболочка яйца разрывается, и появляется плодовое тело в виде оливковой ячеистой шляпки на длинной губчатой ножке. Гриб издает сильный неприятный запах падали, чем привлекает

мух. Они ползают по расплывающейся шляпке, к ним прилипают споры гриба, которые мухи таким образом разносят.

На полуразвалившейся древесине, которая прогревается быстрее, чем почва, и довольно долго удерживает весеннюю влагу, в начале лета появляется целый ряд шляпочных грибов, среди них и летний опенок. Он встречается на пнях, бревнах, гнилушках большими группами и похож на всем известный опенок осенний. Только у него более темные — сначала желто-бурые, а со временем коричневые пластинки. Шляпка летнего опенка желтоватая, в центре бурая и как бы водянистая.

Одновременно с ним появляется и его ядовитый двойник — серно-желтый опенок, часто на тех же самых пнях вместе с летним (фото на стр. 33). Поэтому, собирая опята, будьте внимательны. Отличить серно-желтый опенок можно по зеленоватым, а позже цвета настоящей серы пластинкам. Шляпка у него сверху более яркая, чем у летнего опенка, но заметить это не каждому удастся. Поэтому основное

внимание обращайте на цвет пластинок: кремовые или коричневые — съедобный гриб, желто-зеленые — ядовитый.

В это же время на пнях лиственных деревьев, около них и близ стволов можно увидеть ложноопенок Кандолла. Он попадает часто и довольно обильно. Его легко определить, если посмотреть на ножку: на ней нет не только кольца, но и даже его следов в виде темной полоски или чешуек, которые всегда присутствуют на ножке летнего опенка.

По краям огородов, на выгонах и даже в парках и скверах на унавоженной земле в начале лета наступает пора шампиньонов: обыкновенного и полевого. В это время в средней полосе еще не выросли их ядовитые двойники — бледная поганка, мухомор поганковидный и мухомор пантерный, которые к тому же растут в лесах. Поэтому смело кладите шампиньоны в корзины. Появившись в июне, они не сходят до сентября.

Грибы плодоносят волнами, или, как еще говорят, слоями, когда в короткий период вырастает много плодовых тел. Всего в

средней полосе бывает три или четыре слоя. Наиболее богатый урожай грибов приходится на август, сентябрь и частично октябрь. Вот почему основной грибной сезон начинается в средней полосе в августе.

В это время в лесу на опушках, полянах, вдоль дорог все чаще попадает шампиньон лесной с беловато-буровой шляпкой, покрытой коричневыми чешуйками. Здесь же может встретиться и шампиньон полевой с желтоватой шляпкой. Одновременно с ними появляется семейство ядовитых мухоморов: бледная поганка, мухоморы — поганковидный, пантерный и воночий. Окраской шляпок и кольцом на ножке напоминают они съедобные шампиньоны. А вот пластинки у них разного цвета. У всех мухомо-

ров и бледной поганки они в течение всей жизни чисто-белые или кремовые. У шампиньонов — сначала беловатые или грязно-розовые, а с возрастом становятся темно-коричневыми или даже черно-бурыми.

В семье ядовитых мухоморов, оказывается, есть и съедобные. Это мухомор серо-розовый, он осенний гриб. Появляется в августе и встречается до октября в широколиственных лесах. У него грязно-розовая, выцветшая, словно перламутровая, шляпка с мелкими беловатыми бородавками. У молодых грибов пластинка и ножка белые, у старых — красноватые. Мякоть также белая, но на изломе краснеет. Практически

(Окончание см. на стр. 46)

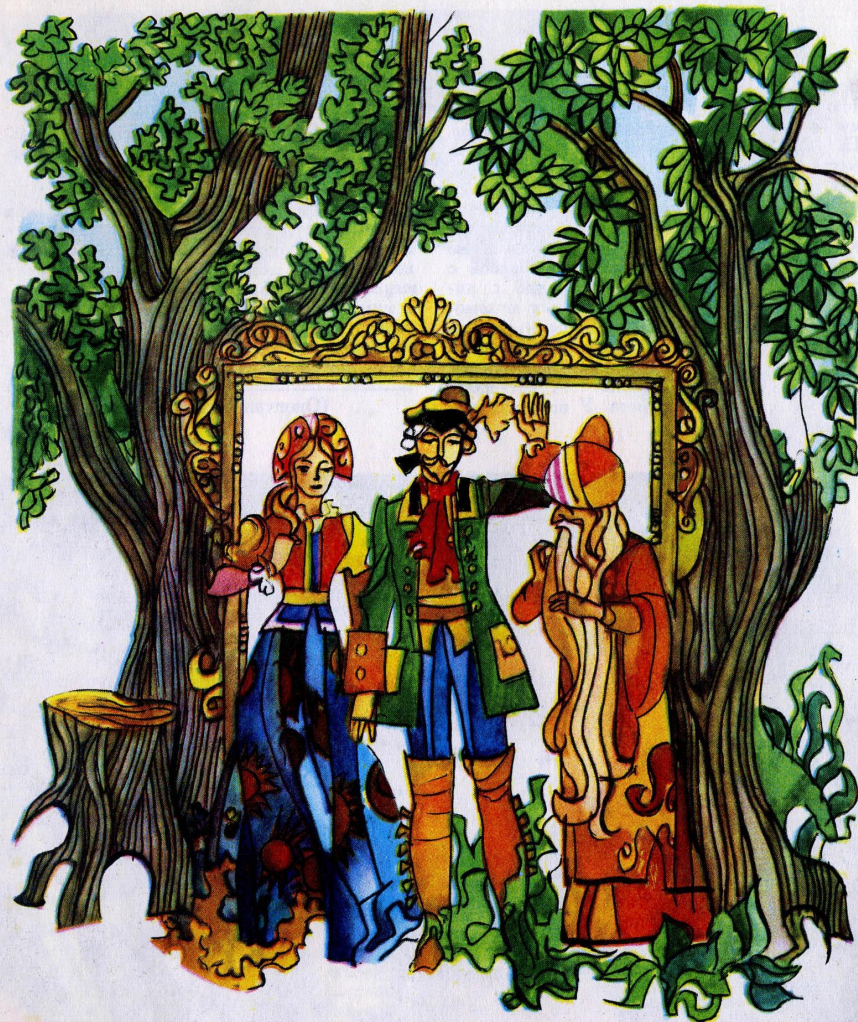

Рис. В. Карабута

— Э, чего только не знает старый мудрый джинн ибн Хоттаб!

— Так не медлите, сообщите всем, что стряслось!

— Мюнхгаузен сидит в своей старой книжке и цепляется за странный овощ, который может дорасти до неба.

— Разве он забыл, что заседание Клуба начинается?

— Именно потому и застрял, что собирается притащить какие-то новости.

— Полно, люди мудрые. Авось он скоро сам явится, да все и уладится.

— Однако пора открывать заседание.

— Привет, привет, мои друзья! Вот и я!

— Что стряслось, Мюнхгаузен? Говорят, вы в третий раз собирались на Луну?

— Ничуть не бывало, друзья мои! Я лишь пытался собрать семена невиданного растения, которое может дорасти до самого неба. Но, как выяснилось, на этом растении никогда не бывает плодов, а местные жители пользуются его стеблями вместо лестниц.

— Да объясните же, зачем вам вдруг понадобились эти длиннющие плети?

— Сразу ясно: никто из вас не слышал удивительную новость. Дело в том, что в сентябре в Москве открывается выставка редких растений. И я, несомненно, оказался бы победителем, представив столь редкостный экземпляр!

— Какая досада!

— Что же предпринять?

— Приказывай, о Мюнхгаузен, и я притащу тебе самое диковинное растение. Раз, два, три! Гляди: что это у меня в руках? Неприметное растение, а в пыль воткни, на камень брось — корни пустит.

— Да что за чудо такое?

— Чудо и есть. Послушаем, что расскажет о нем Василий Кузьмич Потомкин.

Горноколосник

Скалы и каменные склоны сопки. Казалось бы, что здесь, кроме лишайников, ничто не может расти. Но именно здесь можно увидеть удивительное травянистое растение — горноколосник. В любом углублении, трещине на камне, куда ветер нанесет слой пыли, он пустит корни. Это растение из семейства толстянковых. В его сочных, мясистых листьях накапливается влага про запас, и оно может переносить длительную засуху.

Весной горноколосник похож на крошечный кочан капусты. Ершистый шарик с листьями, сжатыми в розетку, — вот потому-то ему и не страшны весенние заморозки.

Во второй половине лета, когда на Дальнем Востоке наступает сезон ливневых дождей, горноколосник очень быстро растет и выбрасывает стебель, на котором постепенно, от основания до верхушки, распускаются мелкие цветки, плотно собранные в колосок. Цветет горноколосник до глубокой осени. Опыляют его шмели. К зиме все растение засыхает и впоследствии сгнивает, увеличивая этим скудный слой почвы на камнях и скалах. Так из года в год в

течение сотен и тысяч лет образовывается почва, и вслед за горноколосником взбираются на скалы травы, а потом поселяется здесь рябина и лиственница.

Горноколосник — многолетнее растение, размножается семенами и вегетативным способом. Если бывает много влаги, от корня отрастают в стороны усы, на концах которых развиваются почки — маленькие розетки мясистых листьев. Сам стебель засыхает, а из перезимовавших розеток-почек пускаются в рост новые побеги.

— Предлагаю представить на выставку точные сведения об этом растении.

— Прошу вас, Почемучка, подготовьте их. Но чем бы еще удивить посетителей выставки?

— Дай-ка мне слово молвить.

— Говорите, Василиса Премудрая.

— В лесах растет чудо чудное, диво дивное. Злой пряжею в народе прозывается. А ученые повилкой ее называют. Знать ее хорошо надо, чтобы повсюду изгонять с полей-огородов. Враг она злейший друзей наших — растений. А хитроостей у этой травы злочей великое множество. Так послушайте, что поведают нам Эдуард Семенович Терехин и Роальд Михайлович Федоров.

Повилика-путешественница

Мы привыкли к тому, что растения неподвижны. Ведь куст сирени под окном или сосна, растущая в парке, и завтра, и через год, и даже через десять лет растет на том же самом месте.

Вообще-то, зеленому растению, которое питается минеральными веществами и строит свое тело главным образом из равномерно распределенного в атмосфере углерода, нет особой нужды в перемещении мест. И все же на Земле встречаются подвижные представители зеленого царства, хотя и не столь монументальные, как могучий дуб или высокая сосна.

Стебли повилки — злой пряжи, как называют этого врага многих сельскохозяйственных культур, могут уходить за десятки метров от места, где вылез из почвы ее молодой росток. Повилика — паразит. Корни ей не нужны, так как питается она соками других растений. Оттого-то и пускается она в свои путешествия.

Одно растение повилки способно произвести на свет до 30 тысяч семян. Всходят они не сразу. Как выяснилось, всхожесть семена повилки сохраняют 10—15 лет. Да и прорасть они не спешат, проклевываются лишь тогда, когда растения, за чей счет готовится она жить, уже выбросили навстречу солнцу стебель и листья.

Зародыши в семенах повилки существенно отличаются по строению от зародышей других растений. В них нет семядолей, а лишь тонкая, как волосок, и скрученная в спираль нить. Первым, разорвав набухшую оболочку, вылезает слегка утолщенный корневой кончик. Он быстро устремляется в почву и закрепляется там. Рост его прекращается навсегда. Настоящий корень у повилки, собственно, и не образуется. Теперь пришла пора разматывать спираль стебля. За несколько дней он успевает вытянуться до десяти и более сантиметров. Но растет не прямо вверх, а по кругу, словно лассо раскручивается. Та-

кое движение стебля происходит за счет неравномерного роста разных его частей.

Как только конец разматываемого стебля повилки наткнется на живой побег другого растения, рост его еще более ускоряется: за час он может сделать два-три оборота вокруг своей жертвы. Плотное обвив растение-хозяина, повилка начинает выпускать присоски, с помощью которых и вытягивает из жертвы питательные вещества.

А если стебель встретит прошлогодний сухой стебель? Еще не все потеряно! Сделав виток-другой и словно почувствовав неладное, проросток повилки резко отклоняется в сторону и снова теми же круговыми движениями пытается нащупать жертву. Больше недели раскручивается лассо. Но наиболее агрессивен хищник только в первые два-три дня. Позже он присасывается лишь к очень молодым, мягкотелым побегам, а на шестой-седьмой, если даже и настигает жертву, закрепиться на ней уже не может.

Взрослая повилка — это просто стебель толщиной до двух-трех миллиметров бледно-красноватого или красного цвета. Он непрестанно растет, высасывая соки из растения-хозяина. Боковые побеги тянутся в стороны и беспрерывно ищут все новые и новые жертвы. Любопытно, что они будто чувствуют подходящее растение на расстоянии: в десяти сантиметрах от него росток повилки, до того нецеленаправленно ощупывающий окрестности, вдруг устремляется точно в направлении своего будущего хозяина.

Если ветер или иная сила оторвет уже присосавшийся к жертве росток повилки от материнского стебля, он становится самостоятельным и продолжает свою охоту за зелеными сородичами. Так расплозается по округе — по полю, лугу, зарослям кустарника — злая пряжа паразитной повилки. Любопытно, что подчас, не найдя подходящего растения-хозяина, повилка присасывается к повилке же: так голодная щука хватается своего юного собрата — щуренка.

Через месяц или два после начала роста на голом стебле растения появляются бутоны, распускаются цветки, а еще через три-четыре недели созревают семена. Ветер, вода, птицы и звери разносят их подчас очень далеко от мест, где они родились.

Семейство повилковых насчитывает около 170 видов. Распространены они почти по всему свету. Большинство паразитирует на дикорастущих травах,

кустарниках и молодых деревьях. Но есть и злостные вредители культурных растений.

— Какие будут еще предложения?
— Похоже, и вам нечего сказать, Мюнхгаузен?

— О, вы ошибаетесь. Еще не было случая, чтобы Мюнхгаузена подвела его находчивость. Я предлагаю послушать, какое задание Почемучкам дает Московское городское общество охраны природы.

За редкими полезными растениями

Много полезных растений взял человек из природы для сельского хозяйства, но еще больше осталось неиспользованных. Среди них встречаются и редкие формы, но мы часто не замечаем их, и они бесследно погибают в борьбе за существование с более сильными дикорастущими сородичами.

Совет подстанции по внедрению редких растений секции садоводства Московского городского общества охраны природы обращается ко всем любителям природы и в первую очередь к юным натуралистам с предложением — принять участие в поиске и отборе редких полезных форм плодовых, овощных, декоративных растений. Одни из них нужно ввести в садоводство, другие можно использовать для озеленения наших городов и сел. Вовремя заметить эти растения, изучить их полезные свойства, перенести на свои опытные участки и дать им путевку в жизнь — такова наша задача.

В первую очередь обратите внимание на такие редкие растения:

1) крупноплодную облепиху без шипов с приятными кисло-сладкими ягодами на длинной плодоножке;
2) самоплодную урожайную форму актинидии коломикты с крупными несозревающими ягодами, которые могли бы долго храниться;

3) северные зимостойкие и урожайные формы столового винограда, не требующего укрытия на зиму, со сладкими ягодами;

4) плодовые зимостойкие формы туты (шелковицы) с кисло-сладкими плодами, которые можно было бы выращивать в средней части нечерноземной зоны нашей страны;

5) зимостойкие формы абрикоса, персика, миндаля, грецкого ореха, айвы обыкновенной, домашней рябины, круп-

неплодной лещины для садов нечерноземной зоны;

б) скороспелые формы крупноплодных арбузов, дынь, тыкв с высоким содержанием сахара в плодах, которые можно было бы выращивать в средней части нечерноземной зоны.

Иногда на растениях появляются побеги, отличающиеся по своим наследственным свойствам от остальных (спорты). Эти побеги бывают более урожайными, плоды на них вырастают крупные, лучшего качества. А у декоративных растений встречается интересная окраска и форма цветков. Отмечайте и такие растения.

Обо всех интересных растениях, которые вы найдете, пишите нам по адресу:

Москва, Кутузовский проспект, 5/3, МГООП, Совету подстанции по редким растениям.

В Москве в начале сентября 1974 года будет открыта выставка редких растений. Лучшие экспонаты будут отмечены дипломами, переданы в научные организации для внедрения в садоводство и озеленение.

— Браво, Мюнхгаузен! Однако не смущает ли вас то обстоятельство, что задание Почемучкам дано слишком поздно. Ровно через месяц выставка.

— Не беда. Выставку редких растений, которые представляют по заданию ученых Почемучки, мы откроем ровно через год на страницах журнала «Юный натуралист».

— А награды победителям?

— Вручат наше жюри и ученые, которые оценят присланные редкие экземпляры.

— Заседание Клуба продолжается. Вам слово, Айболит.

— Позвольте, Мюнхгаузен, продолжить разговор об удивительном, чем так богата природа. Знают ли Почемучки, что орлы... Впрочем, сейчас вы все узнаете из рассказа Семена Давыдовича Кустановича.

Орлы и суслики

Наша зоологическая экспедиция изучала животный мир недалеке от северного побережья Аральского моря. Мы ехали по ровной глинистой поверхности полупустыни. В конце апреля она еще зеленела, но уже через месяц, с наступлением жары, все здесь высохло и она стала серовато-желтой. Подъехали к опушке реденькой саксау-

ловой рощицы. Справа виднелось корявое деревце саксаула, а на нем лохматая шапка — большая куча сучьев. Орлиное гнездо. Гнездо орла-могильника — одного из наших самых крупных орлов — найти трудно. А тут сразу четыре за одну поездку. Большая удача!

С гнезда поднялась плотная, крупная, чуть ли не с гуся, черно-бурая птица с мощным крючковатым клювом, на каждом крыле по белому пятну — орлица. Осмотреть гнездо было нетрудно. Орлы-могильники всегда гнездятся на высоких деревьях, а здесь, в Приаралье, устраивают свои дома на низких саксаулах.

В гнезде на подстилке из обрывков шкурок сусликов, ключев овечьей шерсти и старых тряпок лежали два крупных яйца с шероховатой скорлупой грязно-белого цвета. Одно из яиц было уже надклюнуто — вот-вот выплывит птенец, — второе еще нет. Так уж у орлов заведено: младший братец или сестренка отстают на один-два дня.

Нам удалось найти несколько гнезд и другого орла — степного: прямо на земле кучка саксаула. В них два-три яйца. А в одном даже четыре. Это для орлов большая редкость. Родителям трудно выкормить птенцов. В гнезде они сидят больше двух месяцев и очень прожорливы.

Обилие орлов в этом районе, конечно, не случайно. На каждом шагу попадались норы сусликов — добыча для орлов и их потомства.

Прошло два дня. Во всех орлиных гнездах появились птенцы. Покрытые густым белым пушком, они походили на зверушек. И удивительное совпадение. В тот же день из нор стали выбегать суслята. Это единственный корм для орлят. Ничего другого старые орлы в гнезда не приносили. Суслят им легко ловить: очень уж неосторожны. Нежное мясо их — самый подходящий диетический корм для маленьких орлят. Получая его вволю, они быстро растут.

Как же орлы ухитряются вывести птенцов день в день с появлением из нор суслят? Десятки тысяч лет шел жесткий отбор. Появятся орлята раньше срока — плохо им придется, не хватает корма. Они слабеют, гибнут. Не лучше и тем, что выплывут из яиц позже. Суслята к этому времени уже подрастут и вскоре залягут в спячку. Так и получилось, что теперь орлята будто знают, в какое время им надо появиться на свет, чтобы вырасти сильными.

— Ну-ка, ну-ка, дитя малое вперед пропустите. Подойди ближе, дружок

Почемучка. Взгляни, кто сейчас выскочит да как выпрыгнет?

— Заяц!

— Он самый. Серый, ушастый.

— А что в нем удивительного? Да про него даже в детском саду песни поют.

— Ошибаетесь, мой юный друг. Мы еще многого не знаем о зайце. Слово немецкому ученому Б. Гржимеку.

Заяц вовсе не трус

У зверька этого много врагов, но выручает его большая плодовитость. В октябре самцы дерутся за самок так, что шерсть летит клочьями: становятся на задние лапы и бьются передними.

Зайчиха приносит четыре раза в год по два-три зайчонка, а бывает — сразу и пять. Матери тщательно прячут детенышей. Новорожденные весят всего 130 граммов. Но уже через три недели могут жить самостоятельно.

Удивительно, что древние ученые знали о зайце, пожалуй, больше, чем в позднее время. Греческий историк Геродот писал, что зайчиха может родить одних зайчат и носить других во чреве. Долгое время это мнение считалось вымыслом, но уже в наши дни профессор Хедигер доказал, что это правда. В Познанском научном институте утверждают, что зайчиха за пять-семь дней перед рождением малышей снова ждуг потомства.

Заяц-беляк всю жизнь верен местам, где родился. Его владения небольшие — всего 500 гектаров. Однажды 116 зайцев были помечены бирочками и выпущены на свободу. Спустя некоторое время 60 процентов из них было выловлено за два километра от родных мест, остальные — не далее 5 километров, и только один путешественник убежал за 40 километров. Многие зайцы, привезенные в Германию из Венгрии, вскоре вновь были обнаружены у себя на родине.

Заяц — зверек осторожный и подозрительный. Всегда старается избегать открытых пространств, его путь лежит между кустами, в траве. Кроме того, он делает укрытие — логово. В нем сидит и спит. Логово — это неглубокая ямка, в которой зверек скрывается. Заметить зайца там довольно трудно даже в трех метрах. Зайчиха сидит там с широко открытыми глазами и не шевелится до самого последнего момента. Этому помогает не только маскирующая окраска зайца, но и «крепкие нервы». Один заяц устроил свое логово в не-

скольких шагах от железнодорожных путей. Мимо него грохотали поезда, а он не обращал на это внимания. Но если его обнаруживали, выскакивал из-под самых ног человека или пса и, пока те приходили в себя от неожиданности, был уже далеко.

С места заяц развивает скорость 60 километров в час, чувствуя за собой погоню, начинает хитрить. На полном ходу резко под углом сворачивает в сторону, а преследователь еще миг бежит по старому направлению, пока не догадается, в чем дело. Спасаясь от собак, возвращается по своему же следу несколько раз, вдруг прыгает в сторону — до трех метров — и бежит дальше. Правда, собака по запаху вновь найдет след, но заяц выигрывает время. Частенько встает на задние лапы, чтобы сверху разглядеть опасность. А то и вскакивает на деревья, даже на стену. Известен случай, когда бегущий от собаки заяц вскочил на плечи поджидающего его охотника, а тот был высотой около двух метров.

Напрасно говорят о зайце, что он боится воды. Есть много людей, которые видели зайцев, с удовольствием купающихся в ручьях. Они могут переплыть и широкие реки. Зайцев встречали на островах среди озер. Сюда они приплывали за сочной, густой травой.

Очень немногим приходилось видеть зайчи танцы. Когда косяк сыт и чувствует себя в безопасности, прыгает вверх, кувыркается в воздухе, ходит по кругу на задних лапах. Доктор Цвиглер наблюдал этот удивительный номер почти пять минут.

У нас говорят о некоторых людях, что они трусливы, как зайцы. Не то в Африке. Для африканцев заяц — персонаж храбрый и хитрый. Таким он

описывается в народных легендах. Зайцы, живущие в неволе, умеют постоять за себя, когда защищаются от кошек. Зайца можно научить разным фокусам. В одной старой цирковой афише объявлялось об ученом зайце, который выстукивал на барабане разные мелодии.

— А вот какие письма-вопросы прислали в Клуб Почемучки. Кто ответит им?

Если б заговорил попугай

У меня есть волнистые попугайчики. Очень мне нравится ухаживать и наблюдать за ними. Это, можно сказать, мое увлечение. Только не все я еще знаю о попугаях, а знать хочу. Например, как научить их говорить?

Ведь можно. А как?

Сергея Орлов

г. Новочебоксарск

Гриб-баран

Однажды я ездила отдыхать на реку Дрязгу, которая впадает в Волгу. Было тепло, шел мелкий дождь. Мы сидели у костра. Утром я с паной пошла собирать дрова в чащу. Вдруг под дубом около высохшего озера на рыхлой черной земле я увидела необыкновенный гриб. Он был похож на барана, весь кудрявый. Такой же гриб я видела раньше на реке Унже, когда мы всей семьей путешествовали на байдарке. Позднее я узнала, что этот гриб называется «баран». Я бы очень хотела больше узнать об этом необычном грибе.

Лена Ермолаева

г. Сормово

«Я слышал, что некоторые змеи не откладывают яиц, а рожают живых детенышей. Неужели это правда?»

Такой вопрос задал Почемучкам Миша Сотников из Тульской области. Отвечает биолог Надежда Константиновна Носкова.

Кто как приспособился

Змеи встречаются на всех материках, исключая разве Антарктиду. Условия жизни змей, населяющих тропические леса, жаркие пустыни и наши, северные, края, далеко не одинаковы. Вот и приспособились они к разным способам размножения.

Среди змей есть яйцекладущие (питоны, все аспидовые змеи), а есть и яйцеживородящие (морские змеи, неко-

торые удавы, ямкоголовые и все гадюки).

Резкой грани между теми и другими нет: одни откладывают яйца, в которых зародыш еще не начал развиваться, другие — с уже развитым зародышем, третьи — с детенышами, готовыми выйти из яйца еще в теле матери. Кроме того, изменяя условия, можно добиться, что яйцекладущие змеи станут яйцеживородящими — в природе иногда такое происходит.

В тропических лесах, где тепло и влажно, или в пустынях с горячим песком змеи откладывают яйца и тут же забывают о них — условия для развития детенышей вполне хороши. Правда, некоторые питоны не оставляют кладку и даже как будто насиживают ее — обвиваются вокруг яиц и лежат так долго, создавая вокруг кладки особый микроклимат.

А вот морские змеи и те, что обитают в горных и северных лесах, не могут так беззаботно относиться к своим будущим детенышам. Неблагоприятные условия ставят их перед необходимостью сохранить кладку внутри материнского организма. И мать вынашивает в себе яйца до тех пор, пока из них не выйдут маленькие змейки. Тогда они рождаются — иногда в яйцевой оболочке, иногда без нее — и начинают вести самостоятельную жизнь. Но, конечно, это нельзя считать истинным живорождением, которое наблюдается у высших животных — млекопитающих. Ведь каждая змейка развивается в яйце за счет его питательных веществ и не связана кровеносными сосудами с материнским организмом.

Правда, у обыкновенной гадюки уже обнаружены зачатки истинного живорождения. Ее зародыши, находясь в яйце, связаны с родительским организмом сетью тончайших кровеносных сосудов и получают от матери дополнительное питание. Но это только у обыкновенной гадюки. Детеныши у нее рождаются обычно в конце августа — начале сентября. У молодых гадюк их бывает 5—6, у старых 12—16.

Только что родившиеся гадючки тотчас разрывают яйцевую оболочку или рождаются с обрывками той оболочки и мгновенно расплозаются. Едва появившись, они шипят, кусаются и уже ядовиты. Так что не берите руками и таких маленьких гадюк, если вам доведется их увидеть.

— На этом наше очередное заседание Клуба заканчивается.

До новых встреч, друзья!

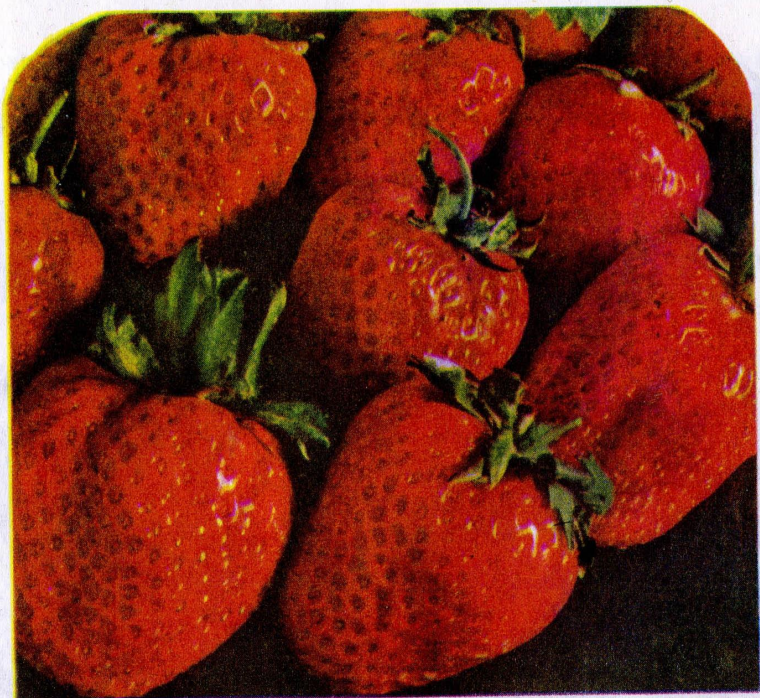

Лето. Солнышко просыпается рано. Притронется своими теплыми лучами к нежным лепесткам цветов, и они протягивают к нему свои лепестки-руки. Только фотограф нацелился снять цветок, а тут пчела прилетела. Неугомонная труженица весь день перелетает с цветка на цветок, собирая пыльцу и нектар.

Семья у пчел огромная — около 20 тысяч видов! Насекомые эти живут всюду, где растут цветы. Ведь выкармливают свои личинки пчелы тестом из пыльцы и нектара. Но и, наоборот, 90 процентов видов всех цветковых растений не могли бы существовать без насекомых-опылителей, а главная среди них — пчела.

Конечно, «биографии» отдельных пчел отличаются друг от друга, но все они приносят пользу человеку.

Фото А. Еланского

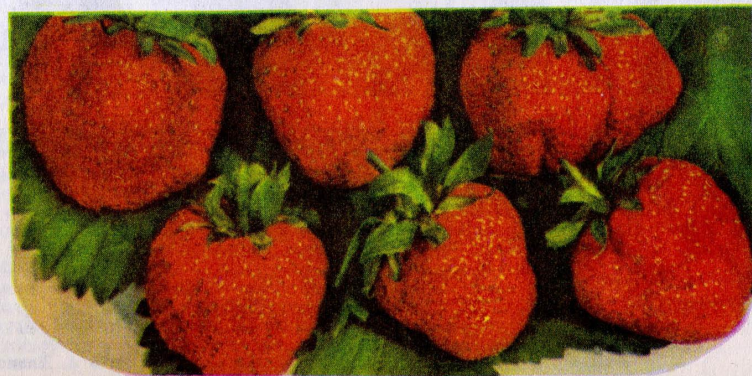

Ягодное изобилие

Садовая земляника всем пришлась по вкусу. Ее душистые ягоды и крупны, и сочны, и сладки. В землянике много витаминов, полезных минеральных веществ. Славится она и ранним созреванием. Эта ягода спешит на стол, обгоняя

во саду ли...

... в огороде

остальные садовые культуры. Хороша она и своей скороплодностью. Уже на следующий год после посадки можно отвеждать сладкий урожай. И размножать землянику легко. И посадочный материал всегда под рукой.

Под садовую землянику не обязательно выделять специальный участок, ее

можно высаживать в междурядьях молодого сада.

В районах средней полосы нашей страны наиболее широко распространен высокоурожайный сорт земляники — Комсомолка. Но нужно помнить, что для него нужны сорта-опылители: Мысовка, Рощинская или Красавица Загорья.

До осенних заморозков плодоносит ремонтантная земляника. Особой известностью пользуются крупноплодные сорта — Сахалинская, Неисчерпаемая, Ада.

Лещина урожайная

Известно, лещина — одомомное растение. Пыльца у нее спрятана в длин-

ных сережках, свисающих с веток, а красновато-розовые рыльца, выступающие из утолщено-округлых почек орешника — плодниковые цветки.

К сожалению, несмотря на то, что лещина цветет ежегодно, орехи бывают не каждый год. Очевидно, виновата в этом погода. Зацветая рано весной, в то время, когда еще весь лес стоит оголенным, лещина часто попадает в неблагоприятные погодные условия. Обычно сережки появляются раньше цветков. Но вдруг наступают заморозки и задерживают раскрытие почек. Сережки, попусту растратив пыльцу в холодные дни, заканчивают свое цветение, когда только начинают распускаться плодниковые цветки. Опы-

ления не происходит и в дождливую или снежную погоду.

Словом, чтобы лещина была с урожаем ежегодно, ей нужна ваша помощь. Когда сережки уже в полном цвету и примерно из одной трети плодниковых почек выступают розоватые, чуть ошетилившиеся рыльца, стряхните пыльцу сережек на пушистую вату, перенесите ее к цветущим почкам и опылите нежные цветочки. Дня через два повторите опыление.

Осенью на лещине ветки будут гнуться от орехов. В некоторых гроздьях бывает по 11—13 плодов.

Хотелось бы, чтобы юные натуралисты провели этот интересный эксперимент по искусственному опылению лещины.

Л Е С

(Окончание. Начало см. на стр. 1)

особое оздоровительное, почво- и водоохранное значение, закон берет под защиту и запрещает в них рубки. Огнине лесное хозяйство должно вестись:

- а) в интересах общего блага и
- б) на основах планомерного лесовозобновления».

Площадь наших лесов так велика, что объем ежегодного прироста древесины значительно превосходит объем заготовок, тоже немалый. Но растет понемногу весь лес, а вырубаются подчистую его куски. Мы имеем полную возможность без малейшего ущерба для леса покрывать спрос на древесину — и все-таки леса сводим. Выход один — приблизить методы лесного хозяйства к хозяйству сельскому. Но там — однолетний колос, а здесь — вековое дерево.

За колосом ходят тракторы и комбайны, а разработки леса во всем мире до самого недавнего времени велись (а немало где и сейчас ведутся) примитивно, как 200—500 и тысячи лет назад. Урожай леса могут собрать только правнуки. Чтобы о лесе заботиться, надо иметь будущее.

Полная механизация нашего лесного хозяйства началась сразу по окончании Великой Отечественной войны. А в сентябре

прошлого года в Москве проходила первая международная выставка лесного машиностроения «Лесдревмаш-73». Сотни образцов самой современной лесной техники, представленные двадцатью ведущими лесопромышленными странами, еще раз показали: человек в своих физических силах сравнялся с природой.

Техника позволяет человеку, исправив былые просчеты, стать заботливым хозяином Земли: способствовать небывалому расцвету природы и постоянно черпать у нее неизмеримо больше, чем при самом полном господстве. Наши планы: осуществить в девятой пятилетке лесовозобновление на площади 12 миллионов гектаров, то есть полностью возместить все, что пройдем за пятилетие рубкой. Такого размаха работ нигде в мире нет. А для нас это лишь начало.

В сентябре 1972 года Верховный Совет СССР признал необходимым включать во все планы развития народного хозяйства самостоятельный раздел по охране природы. Ответственное отношение к природе стало у нас государственным делом.

Человек — частица живой природы Земли. Никакое совершенствование в отрыве от природы немислимо. Та робость невольная, когда идем в одиночку лесом, — может, память это, всей цепочки наших предков память, о бесчисленных набегах на лес и неоплаченном долге лесу, которому столько обязаны мы, люди?

Б. Белоголовый

ГРИБЫ- ДВОЙНИКИ

(Окончание. Начало см. на стр. 33)

серо-розовый мухомор не собирают и не употребляют в пищу. Встречается он редко, да и польза от него невелика, а отличить его от ядовитых мухоморов очень трудно.

Мухомор серо-розовый иногда путают с красным, шляпка которого часто с возрастом как бы выцветает. И тогда-то и появляются заметки, будто красный мухомор вообще съедобен, что его едят без вреда в некоторых областях. На самом деле во всех случаях речь идет о серо-розовом мухоморе. И едят гриб там, где растет он обильно и его издавна хорошо знают и умеют отличить от ядовитого двойника — красного мухомора (фото на стр. 35). Чтобы употреблять грибы в пищу, надо хорошо знать и различать их и никогда не собирать сомнительные виды.

В августе, когда довольно много белых грибов, появляется его несъедобный двойник — желчный гриб, или ложный белый гриб. Растет он в сосновых и еловых лесах, преимущественно на песчаной почве. Встречается часто, но не обильно. Желчный гриб горький, но не ядовитый. Внешне он очень похож на белый и формой плодового тела, и коричневой или буроватой шляпкой. Отличить его можно по грязновато-розовой окраске трубчатого слоя и розовеющей на изломе мякоти. У белого гриба трубочки всегда белые или кремоватые. Лишь с возрастом они слегка желтеют или зеленеют. Мякоть же на изломе всегда белая, за что и получил гриб свое название. Есть, правда, и еще отличие. У белого гриба ножка кремовая, с белым сетчатым рисунком в верхней части. У желчного же этот рисунок черно-бурый, хорошо заметный на светлой ножке. Желчный гриб сопровождает белый и весь сентябрь.

В июле — августе, когда пора отправляться за летним, или зернистым, масляником, в сосновых лесах появляется еще один несъедобный трубчатый гриб — перечный. Он похож на масляник коричневатой шляпкой, а отличается от него краснеющей на изломе мякотью (у масляника она синее), зеленоватыми трубочками и перечно-жгучим вкусом мякоти. Поэтому, как и желчный гриб, его не едят.

Есть двойник и у рыжениковой настоящей лисички — ложная лисичка. У нее более тонкие пластинки и не ярко-желтые, как у настоящей, а красно-оранжевые.

Приходит осень. Сентябрь — царство осеннего опенка. Его желтовато-коричневая

шляпка иногда бывает красноватой, и тогда этот гриб легко спутать с двойником — ложноопенком кирпично-красным. Появляется он в августе — сентябре на пнях лиственных деревьев или около них. Встречается часто. Шляпка у него кирпично-красная, по краю желтоватая. Пластинки у молодого гриба беловатые, как и у настоящего осеннего опенка, но при созревании становятся черно-оливковыми. Мякоть желтая, с неприятным запахом. У настоящего осеннего опенка пластинки желтовато-белые с буроватыми пятнами, а мякоть белая или кремовая с приятным запахом.

Другой несъедобный гриб, внешне очень похожий на осенний опенок, — огневка ольховая. Он также растет группами на пнях, чаще всего ольхи, или на вырубках. В отличие от опенка осеннего, у огневки ольховой никогда не бывает кольца на ножке, а ее мякоть с сильным неприятным запахом. Шляпка по краю часто с зеленоватым оттенком.

В средней полосе любят собирать волнушку розовую — хороший осенний гриб. Но и у него есть несъедобный двойник — млечник серо-розовый. Появляется он в это же время и от волнушки отличается тем, что сок у него бесцветный, не едкий (у волнушки он белый, желтеющий на воздухе и очень едкий) и на шляпке нет концентрических красноватых зон, очень характерных для волнушки. Да и растут эти грибы в разных местах. Волнушка чаще встречается в березняке, а млечник серо-розовый во влажных сосновых лесах и по краям сфагновых болот. Съедобен ли он — неясно. В некоторых зарубежных странах его считают даже ядовитым.

Интересно отметить, что и волнушку розовую, которую у нас считают отличным съедобным грибом, в некоторых странах Восточной и Центральной Европы, например, в Германии, Польше, относят к ядовитым. Очевидно, ее просто смешивают там с каким-то близким видом-двойником.

Собирая грибы, не пренебрегайте молодыми дождевиками (фото на стр. 34), чисто белыми и снаружи и внутри. Мякоть у них не особенно нежная, зато по грибному аромату они не уступят никаким другим грибам. Их двойников-ложнодождевиков легко отличить. Даже молодые, они внутри фиолетово-черные с белыми прожилками. Молодые дождевики всегда чисто-белые, и лишь с возрастом, по мере созревания, гриб темнеет, превращаясь в порошок бурых спор.

Увлекательнейшее занятие — сбор грибов. Но, собираясь за ними, надо обязательно помнить основные отличия хороших, съедобных грибов от ядовитых двойников, а в лесу устроить себе экзамен.

Л. Гарибова

Дорогие товарищи! АВГУСТ — наиболее ответственный месяц сезона.

Сейчас собирают почти все грибы, которые можно сушить, засаливать и мариновать. Заготовительные, организационные, грибоварные пункты Потребительской кооперации организуют прием и переработку грибов. Немало предстоит сделать в этом месяце сборщикам целебных растений: идет сбор ЦВЕТОВ ромашки аптечной и ромашки пахучей, а также тмина песчаного (бессмертника) и т. д.

ТРАВЫ зверобоя продырявленного, душицы обыкновенной, фиалки трехцветной [иван-да-марьи], хвоща полевого и др.

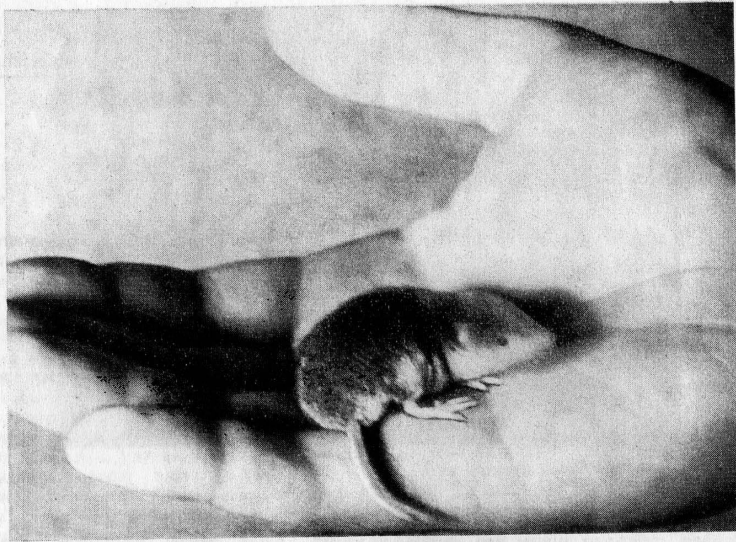
ЛИСТЬЕВ крапивы двудомной, толокнянки обыкновенной.

ПЛОДОВ малины, черной смородины, черники, бузины черной, черемухи, можжевельника, шиповника. Во время обмолота и очистки ржи в некоторых местах есть возможность собрать рожки спорыньи, а на кукурузных полях — кукурузные рыльца. Подходит начало сбора корневищ большеголовника [леuzeи сафлоровидной], а в южных районах — корней с корневищами валерьяны лекарственной и корней одуванчика аптечного.

Поддерживайте тесную связь с заготорганизациями Потребкооперации! Желаем успехов в вашем добром и благородном труде!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Землеройка

Как-то поздней осенью наша экспедиция занималась сбором мелких зверьков в Ширванской степи. В это время в равнинном Азербайджане еще ярко светит солнце, вспархивают из-под ног краснокрылые кобылки, иногда мелькнет ящерка в пожухлой траве.

Мы раскапывали норы песчанок. Это сложные сооружения, заканчивающиеся гнездовой камерой, размером со средний арбуз. В ней зверьки спят, приносят потомство, здесь же подрастает молодняк.

Желтые глинистые пласты почвы рушились под ударами лопат. Вдруг в медленно оседающей пыли мы заметили, как промелькнул какой-то крохотный зверек. Один из рабочих поймал его, приняв за молоденькую песчанку. На самом деле это была землеройка — белобрюхая белозубка. Окажется, в полупустыни многие животные охотно селятся в норах песчанок, жилых или покинутых. Кого мы там только не находили! И ядовитого каракурта, и скорпиона, жуков-чернотелок, каспийского геккона, длинноногого сцинка. Завладевают норами, съев хозяев, разные змеи: удавчики и полозы. Нередко можно наткнуться на ядовитую гюрзу. Живут в норах и мелкие хищники — ласка и перевязка, и даже некоторые птицы — каменки например.

Наша землеройка воспользовалась укрытием, да неудачно. Помаргивая крохотными глазками, едва заметными в шерсти, она сновала по ладони, забавно поводя рыльцем, похожим на миниатюрный хоботок. Вправо

и влево, вверх и вниз. Сверху землеройка серовато-бурая, а брюшко светлое. Поэтому и прозвали ее белобрюхой белозубкой. Хвост у нее голый, тонкий, с редкими длинными волосками. Я посадил землеройку в картонную коробку, зная, что этот зверек не может долго обходиться без пищи, бросил ей туда кобылку. Когда я заглянул в коробку час спустя, от кобылки остались только ноги и крылышки, а сама хозяйка нервно поводила хоботком, принюхиваясь и ожидая еще пищи. Мы отпустили землеройку: пусть себе бежит!

Как-то раз такая же землеройка поселилась у меня дома. Один из наших зоологов поймал ее, чтобы сделать тушку для музея. Я убедил его, что тушек землероек в коллекциях предостаточно, и взял зверька себе. Так землеройка осела у меня дома.

Я устроил зверьку в высокой широкогорлой стеклянной банке, которую сверху закрыл пластмассовой сеткой. На дно клал слой соломы, или опилок, или стружки. Сверху я бросаю клочок ваты, под которым они делают себе убежище. В этом клочке белозубка пробуравливает ходы в разных направлениях. Сытая землеройка обычно спит в вате. Когда же зверек голоден, то начинает сновать по банке, постоянно принюхиваясь. Землеройка очень прожорлива: ежедневно она съедает пищи больше, чем сама весит. Вначале я кормил ее кобылками, а потом, когда стало холодно и кобылки исчезли, — дождевыми и мучными червями, а также тараканами-прусаками. Стоит взять

пинцетом червя или насекомое и поднести к одному из проделанных землеройкой отверстий, как оттуда моментально высывается остренькая мордочка, выхватывает корм и тотчас же исчезает. Землеройка привыкла и к менее дефицитным кормам: мясу и внутренностям. Мясо, печень, легкое я нарезал мелкими кусочками и клал в кормушку.

О том, что землеройки едят грызунов, я слышал и раньше, а вскоре убедился и сам, когда дал своей зверушке мертвую белую мышь. Она съела ее, оставив пустую шкурку с хвостом и лапками. Не раз в экспедиции мы снимали с давилок такие шкурки. Иногда в давилки попадались и сами землеройки: наверное, зверьков привлекал запах растительного масла, которым мы пропитывали хлеб для приманки. В неволе землеройка от этого лакомства отказывалась. Воду она почти не пила, зато приучилась пить молоко. Она уже свыклась с неволей, позволяла брать себя в руки и почти не кусалась. Да и укусила она толком не могла, лишь слегка ущипнет. Очень странно видеть, как землеройка, когда ее касаешься, словно выныривает из-под пальцев, сильно уплощаясь. Вообще же зверьки эти нечастые гости живых уголков: наверное, в силу своей скрытности и прожорливости. Поэтому, прежде чем заводить землеройку, подумайте, в состоянии ли вы ее прокормить. Правда, белозубкам можно давать и сверчков, которых легко разводить дома.

Землеройки распространены по всему миру, кроме полярных областей, Австралии и большей части Южной Америки. Всего в мире около 270 видов землероек, но с каждым годом ученые описывают все новые и новые. И хотя большинство землероек найдены в глухих джунглях, есть и такие, которые живут в густонаселенной Японии или в самом центре Европы — Швейцарии. Какими только удивительными приспособлениями ни наделены землеройки! В Африке живет броненоска. Сочленения костей ее скелета настолько прочны, что зверек размером с мышь выдерживает вес взрослого человека без вреда для себя. В Северной Америке водится землеройка, которая убивает добычу ядом.

А на Цейлоне описали целый новый род землероек. Один вид назвали «Подник кура». Не только странное кажется название, но и сами животные: у них большая голова с едва заметными глазками, круглые уши с пучком волос снизу, нос раздвоен — на каждую ноздрю по хоботку, хвост морковкой с редкими волосами, длина четыре сантиметра. Иногда зверьков так и зовут — «бурозубые карлики». Раскрашены они тоже забавно: сверху красно-бурые, на голове темное пятно, брюшко голубовато-серое, уши и ступни желтые.

У нас в стране 27 видов землероек, и среди них тоже немало интересных.

Ученые обнаружили у землероек необыкновенное свойство: с наступлением холодов у мелких зверьков происходит уплощение черепа и изменяется объем мозговой коробки. Ни у одного из млекопитающих такого не встретишь! Известно, что в систематике млекопитающих животных одним из четких признаков является определенное количество разных типов зубов, так называемая «зубная формула». Так вот, у землероек количество зубов может меняться даже в пределах одного рода. Благодаря высокому обмену веществ землеройки способны противостоять низким температурам. Поэтому они расселились по всему земному шару, от тундры до тропических лесов. Но из-за высокого обмена веществ они не могут запасать жир и впадать в спячку, а потому активны круглый год. Вот и приходится им за это расплачиваться низкой продолжительностью жизни — не более полутора лет живут землеройки. Разыскивать пищу им помогает острое чутье, хорошо развиты у них слух и осязание, а также эхолокация, как у летучих мышей. Голос землероек — слабый писк.

Едят землеройки в основном насекомых. Землеройки северных широт, где с насекомыми труднее, разнообразят свой рацион семенами разных растений.

Если условия благоприятствуют, землеройки приносят потомство до трех раз в году. Подросшие детеныши, когда совершают с матерью далекий переход, цепляются зубами друг за друга, а передний — за хвост матери, так и шествуют. Прямо детский сад на прогулке!

Врагов у землероек немного. Из-за резкого запаха их почти не едят хищные птицы и млекопитающие, разве что уж очень проголодаются.

Вот так живут землеройки, постоянно сную в подстилках лесов в поисках пищи, непрерывно перемалывая миллионы насекомых. Едва лишь успеют подрасти, оставить потомство и, быстро состарившись, умирают.

Польза от землероек колоссальна. Они едят круглый год и ежедневно съедают почти в два раза больше, чем весят сами. Крошечная бурозубка среди землероек рекордсмен. Она кормится 120 раз в сутки и съедает в четыре раза больше собственного веса. Еще одна заслуга землероек в том, что они достают насекомых там, откуда их не может извлечь ни одно другое животное. Землеройки уничтожают насекомых-вредителей и других мелких беспозвоночных, при случае не упустят и мышь, подбьдают трупы, неся тем самым санитарную службу. Охраняйте землероек, но прежде научитесь их распознавать, чтобы не спутать с вредными грызунами.

А. Чегодаев

ГАЗЕЛЬ

Таня терпеть не может ружей и выстрелов. Ружья громко бабахают, и Тане кажется, что небо трескается и падает ей на голову. Поэтому, когда стреляют где-нибудь близко, Таня приседает к земле. Хорошо, что папа у нее не охотник. Папа учитель, и это Тане очень нравится.

Но так бывает дома, где Танины игрушки, папины книги и нет ружья. А сейчас ружье рядом, Таня с папой и мамой едет на машине домой, вверх по Лабе. Она гостила у бабушки, а папа и мама отдыхали, ездили в Гудауту к дяде Володе. Каникулы кончились, теперь вся семья возвращается к себе, в горный поселок. Поездка хорошая, Тане нравится в открытой машине. И чего только она не видела по дороге: мосты, бесконечное стадо быков, идущих навстречу, машина даже остановилась, палатки геологов, вышку. «Смотри-ка, уже бурят!» — удивился папа. А больше всего Таня восхитилась Лабой: река то синяя, то зеленая, то белая, вся в бурунах и в пене. А потом появился охотник с ружьем на дороге. И его взяли в машину. С тех пор у Тани испортилось настроение: она все время ждет, что охотник начнет стрелять. Это будет ужасно, машина, наверное, разлетится в щепки.

А охотник почему-то не похож на охотника — длинный, худой, с голубыми глазами и белыми, будто вот только что начищенными пастой, зубами. И все время он улыбается. И когда стояли на дороге, улыбался, и когда рассказывал, что ничего не убил; улыбался. «Охотники должны быть злыми», — думает Таня. — Этот похож на почтальона, что принесит бабушке письма. — Ему бы сумку на бок и велосипед, ездить от двора к двору, а у него ружье. — На минуту Таня отвлекается, стараясь решить вопрос: Для чего охотники охотятся? Чтобы есть? Зайца можно съесть, — думает Таня. — А лисиц не едят. Папа сказал: лисиц не едят, лисицы все равно что собаки. А слонов едят? — Таня вспомнила своего большого резинового слона. — А сумел бы этот охотник убить слона?..»

Таня опять смотрит на синеглазого охотника, а он в это время смотрит на нее и улыбается. Таня прячется к папе за спину, а охотник спрашивает у нее:

— Ты чего?

Машина идет медленно. Лаба то блестит на солнце, то спрячется в тень, когда скалы придвинутся к ней вплотную. По реке плывут бревна, сплавщики сбро-

сили их где-то сверху. Иногда бревна ударяются в берег, и тогда слышится: бум-м! — как из барабана. Таня закрывает глаза и, прижавшись к отцу, несколько минут слушает это «бум-м!». Нет, спать ей не хочется, тем более что впереди скала, самое замечательное и страшное место на всей дороге, как же не поглядеть?..

Но вот в кузове зашевелились, заговорили, повернули головы в одну сторону.

— Солонцы, солонцы, — послышалось там и тут.

— Могут быть джейраны, смотрите!

— Смотрите, смотрите!

Таня шепчет на ухо папе:

— Что такое джейраны?

— Газели, — отвечает папа. — Антилопы такие, помнишь, в книжке?

— Смотрите, смотрите, — шелестит в кузове, — головы по-прежнему повернуты к противоположному берегу.

— Вот они!

Таня увидела их сразу — четырех стройных газелей. Они стояли на галечнике у самой воды и, подняв головы, смотрели, как показалось Тане, все четверо на нее. С машины их было видно отлично, прибрежные кусты оставались внизу, четверо животных стояли как нарисованные. Кто-то постучал по кабине, и шофер остановил машину.

— Чего? — спросил он недовольно, высунувшись в окно кабины.

— Джейраны!

Шофер открыл дверцу и стал на подножку. Он тоже глядел на газелей. Лаба здесь разлилась, но все же не была слишком широкой, как если бы улица и еще улица, показались Тане. Противоположный берег был крут, в осыпях, кое-где поросших орешником. Осыпи серых глыб поднимались высоко, и их освещало солнце; берег, где стояли газели, был в тени, вода у берега казалась синей, почти стальной; галька против нее совсем светлая, и на этой теплой, будто высланной серой тканью полоске стояли животные и смотрели через реку на машину. Они не испугались, их темные, крупные, похожие на черные бусы глаза были неподвижны, но это была живая, влажная неподвижность, отражавшая и впитывавшая в себя весь мир. Только уши джейранов прислушались, и влажные ноздри блестели, и губы были тоже влажными от воды.

Вдруг что-то звякнуло затаенно и настораживающе, будто боясь тишины и прячась от нее за спины людей. Это охотник поднял ружье и взвел курок. Таня обернулась к нему, и люди тоже обернулись и смотрели на него и на ружье, которое он медленно поднимал, чтобы прицелиться. Разом исчезла радость вечера,

радость встречи с газелями, которые вот только что были рядом, нежные, добрые, с влажными от воды губами. Теперь перед людьми была река, два разных берега, был охотник с ружьем и дичь на другом берегу реки. И люди в машине, казалось, стали другими, у них вытянулись лица, раскрылись рты, исчезло выражение доброты, мягкости, лбы стали сухими и жесткими, а в глазах появилось одно желание: стреляй! Шофер даже пальцами рук сделал движение, будто нажимает курок: «Ну, скорее!»

Таня опять посмотрела на джейранов. Они стояли, ничего не подозревая. Все было тихо вокруг, лишь вода плескалась у берега. И Таня вдруг поняла, что сейчас произойдет убийство: грянет выстрел, и на том берегу какая-то из газелей упадет и замрет серым комочком.

Таня перекидывает взгляд на охотника. Это не прежний улыбающийся синеглазый человек. Рот у него сжат, вместо глаз щелочки с маленькими, как точки, зрачками; щека, упирающаяся в приклад, вздернута, сморщена; лицо уже не напоминает человеческое.

Таня видит, как медленно-медленно сгибается палец, лежащий на спусковом крючке. Сейчас, сейчас... И все на машине ждут: сейчас.

А газели стоят. Чего же они стоят?

Палец все сильнее давит на спусковой крючок. Сейчас будет выстрел.

— Не надо! Не надо! — Таня вскакивает с места. — Не надо!

В это время раскалывается небо. Но Таня, к удивлению, не замечает этого, не пугается.

— Не надо! — успевает она крикнуть еще раз и, как все, смотрит на газелей на другом берегу реки.

Ни одна из них не упала, не ранена. Они только вздрогнули и, как по команде, встав на задние ноги, обернулись и кинулись вверх по осыпи. «Все четыре, все четыре!» — отмечает с восторгом Таня.

А на машине смятение.

— Промазал... — охотник опускает ружье и улыбается, его зубы блестят, как натертые порошок.

— Не ружье у тебя, — разочарованно говорит шофер, — труба! — Хлопает дверцей, запускает мотор.

Таня подпрыгивает и бьет в ладоши:

— Бегите! Бегите! — кричит она антилопам. — Он промазал! Ура! Он промазал!

Охотник уселся на свое место, улыбается. Таня продолжает кричать:

— Промазал! Так и надо! Промазал!

Газели уходят все дальше в горы, вот они уже затерялись в орешнике.

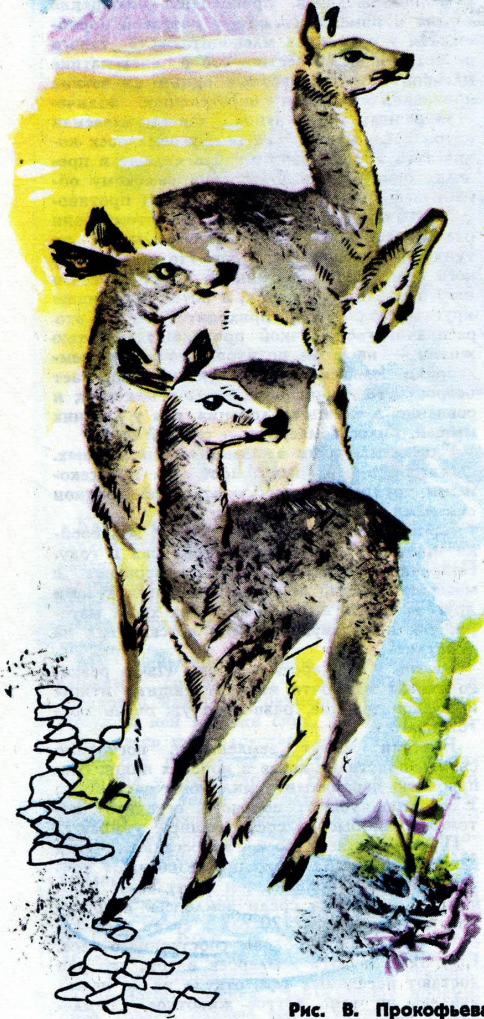

Рис. В. Прокофьева

Записки натуралиста

Машина опять бежит по дороге, блестя река, и бревна, плывущие по воде, время от времени бухают в скалы: бум-м! Таня прижимается к папе: похолодало, тот запахивает ее плащом: «Озябла?» Таня не озябла ниучточки, ей хорошо, какая хорошая поездка! Она будет рассказывать Люське и Надьке, своим подругам, как ехала целый день, и какие были джейраны, и как стреляло ружье и охотник промазал. Газели где-то в горах, живые, и, хотя ружье выстрелило, все в машине остались живые, и Таня тоже, и это очень хорошо — жить на свете!

Таня приезжает домой поздно вечером. — Спать... — просит она, и мама укладывает ее в постель.

Снится ей дорога, река, газели на берегу. И она тоже газель. Выходит охотник с синими, как небо, глазами, в руках у него вместо ружья самоварная заржавленная труба. Охотник целится в Таню, а ей не страшно, она оглядывается по сторонам и смеется. Труба пыхает дымом, но выстрела не слышно, и Таня опять смеется и бьет в ладоши:

— Промазал! Промазал!

Охотник опускает трубу и тоже смеется. Потом перешагивает через реку и, наклонившись к Тане, говорит ей на ухо:

— Ведь я нарочно промазал, девочка. Мне тоже было их жаль, как тебе.

М. Грешнов

КРЫЖЕНЬ

Когда закончилось строительство Киевской ГЭС и начало заполняться гигантское водохранилище, Леньке исполнилось двенадцать лет. Весна в тот год выдалась поздняя. Дни стояли ветреные, холодные, а ночью зажигались зеленые звезды и мороз усиливался. И только в конце марта лед на водохранилище отошел от берегов, и Ленька, возвращаясь из школы, заметил в промоине стайку нырковых уток.

Жил Ленька в деревеньке Ровы, стоявшей в старом сосновом лесу как раз между Днепром и Десной. Поэтому и охотничье хозяйство, где отец Леньки был егерем, называлось Межреченским. Егерский участок Тихона Алексеевича — прибрежная полоса водохранилища от поселка строителей ГЭС до островка со старой деревянной вышкой. Это специальный воспроизводственный участок. В отличие от других обходов охота здесь строго запрещена в течение всего года.

Постепенно птицы начали заселять острова нового водохранилища. Появились и

такие, которые не задерживались здесь в прошлые годы. Так на острове с деревянной вышкой поселилось несколько пар хохлатой чернети — нырковых уток с бурыми хохолками на фиолетово-черных головках. Островок метрах в двухстах от сторожки заняли малые чайки, тоже новоселы для этих мест. Устроила здесь гнездо и хорошо известная всем охотникам крупная, светло-коричневая, с блестящей зеленой полосой на крыльях кряковая утка. Привольно стало птицам на островах. Не тревожит их человек, не добраться сюда и четвероногому хищнику. Только иногда загудит далеко на фарватере теплоход или пройдет вблизи острова рыбацкая моторка, закачает волна листья кувшинок, и опять тихо.

У кряквы на островке, что против Тихоновой сторожки, вывелись утята. Уткамать сразу повела их к воде. Через намытый волнами в камышах песчаный вал она перенесла утят в клюве, и восемь силовато-желтых пушистых шариков закачались на мелководье среди высокой осоки.

Узнал об этом енот, который жил в старой лисьей норе неподалеку от берега. Начал он по ночам бродить вдоль песчаной отмели, собирать ракушки, поглядывая все чаще и чаще на заросший осокой и стрелолистом островок.

Заметил отпечатки енотовых лап Тихон Алексеевич, но за птиц на острове он не беспокоился. Слишком далеко от берега, не доплыв туда желтобрюхому разбойнику.

Утром и вечером кряква с выводком кормилась на мелководье, склевывая со дна личинки насекомых и стебли водяных растений, а днем старая утка учила утят прятаться от болотного луны и серых ворон. Росли утята быстро и в конце июля уже начали совершать небольшие перелеты. Были они только светлее пером и поменьше, чем старая утка. А у двоих селезней под серыми перьями появились на голове зеленые, а на горле светло-коричневые мягкие перышки.

Осыпались белые цветки стрелолиста, начал заметно убывать день. Поспела ежевика на дне лесного оврага, а на склонах рябиновые ветки пригнулись от тяжелых и ярких, будто выкрашенных киноварью, ягод. Енот теперь редко появился на берегу, больше бродил по опушкам да оврагам, собирая лесной урожай. Утиный выводок по вечерам тоже летал в старый сосновый лес. Там на поляне начал уже розоветь овес, посеянный Тихоном Алексеевичем для подкормки серых куропаток. На водохранилище утинная стая возвращалась обычно перед восходом солнца.

И вот однажды в конце августа, когда уровень воды заметно понизился, енот за долго до рассвета перебрался на островок и затаился в густом тростнике.

Утром собрался Тихон Алексеевич проверять жерлицы. Вышел он на крыльцо своей сторожки и вдруг услышал громкое кряканье над островком. Семь уток поднялись над камышами, на какое-то мгновение замерли в воздухе и заспешили к невидимому противоположному берегу. А от островка с селезнем в зубах, разбрызгивая воду, мчался к песчаной отмели енот. Тихон Алексеевич бросился в сторожку за ружьем. После выстрела енот бросил добычу и в несколько прыжков скрылся в высокой прибрежной траве. Только закачались верхушки тростника там, где прошел зверь, и все затихло. Тихон Алексеевич поднял повыше резиновые сапоги и пошел посмотреть, что стало с селезнем. А тот уже приподнял голову и, увидев приближающегося человека, медленно поплыл к островку. Тихон Алексеевич заметил: правое крыло селезня беспомощно тащилось по воде.

«Крыло поломал, разбойник», — подумал егерь. — Надо помочь, да вот беда — крыжень теперь в осоку забился, без собаки его и не увидишь».

Отправился Тихон Алексеевич в деревню. Вечером он сказал Леньке:

— Завтра пойдем крыжня искать и Зимку в помощники возьмем. Так что ложись пораньше.

Но Леньке не спалось. Он думал: «А что, если енот опять на остров заберется. Не спастись тогда крыжню. Останутся от него на песчаном островке только жесткие маховые перья да желтый клюв». И когда в доме все стихло, а сверчок затянул свою скрипучую песню, Ленька решил идти. Надел он брезентовую куртку, взял старый рюкзак. Во дворе Ленька подождал Зимку, пристегнул к ошейнику узкий, длинный ремешок.

Сначала заброшенная лесная дорога шла через березняк, и белые стволы отчетливо виднелись под звездным августовским небом. А вот когда начались сосны, идти стало труднее. Теперь Ленька часто спотыкался об узловатые сосновые корни, и тогда взвизгивала Зимка, потому что поводок неожиданно натгивался. Но вот старый лес кончился. Поднялись на песчаную насыпь, тянувшуюся вдоль берега водохранилища, и в это время на востоке начало светлеть, будто возле самого горизонта кто-то развел огромный костер. Когда краешек луны показался над водой, Ленька увидел отцовскую сторожку. Но заходить туда он не стал. Ленька сунул в рюкзак охапку сухого

плавника, сложенного под навесом, взял Зимку на руки и зашагал по воде к островку.

Вскоре на песке возле осоки замигал небольшой костер. Зимка сразу уснула, а Ленька обошел островок несколько раз. Уток в камышах не было. Тогда он привязал к поясу поводок, поближе к огню постелил куртку, сунул под голову рюкзак.

Приснилось Леньке прозрачное озеро с золотыми кувшинками. Плыл по этому озеру белый селезень. Знает Ленька из отцовских рассказов, что очень редко встречается среди серых диких уток такой красавец и называют его охотники князьком. Вдруг появился длинноухий пес, бросился к селезню. А тут и хозяин собаки подошел к берегу, ружье готово держит. Но князек уже успел предупредить товарищей об опасности. Поднялся над синим озером утиный хоровод и полетел под облаками к далекому лесу. Так и не успел охотник выстрелить. Прицелился тогда он в белого селезня, а тот, как нарочно, возле собачьего носа кружится. Стрелять опасно, можно в собаку попасть. Кое-как отозвал хозяин собаку, держит ее за ошейник, а пес лает, захлебывается, норовит за князьком опять в воду прыгнуть.

Ленька проснулся. Зимка уже охрипла от лая, только рычит, поводок натянулся, вот-вот лопнет. А от острова к берегу не спеша плывет селезень с поломанным крылом. Крикнул Ленька собаке: «Лежать!», а сам в воду. Подбежал к селезню, тот нырнул, но неглубоко. Ленька упал, схватил его обеими руками и обратно к островку. Положил селезня в рюкзак и быстрее в сторожку сушиться. Вскоре и отец подошел.

Отнесли они селезня домой в деревню. Тихон Алексеевич вырезал из доски две легонькие планочки. Потом он составил кость, приложил с обеих сторон крыла планки и туго перевязал пеньковой веревкой. Селезень забрался под печь, где была сложена сухая береста, и затих. Вечером Ленька поставил возле печи чугунок с водой, накрошил туда хлеба, вареной картошки. Но селезень так и не вышел из своего укрытия. Однако на следующий день еды в чугушке поубавилось.

— Теперь будет поправляться, раз есть начал, — сказал отец.

Пожелтела прибрежная осока, а в лесу закачались-задрожали от северного ветра темно-красные осинового цвета.

К этому времени селезень, живший у Леньки, стал необыкновенно красив. Голова точно из зеленого бархата. На

темно-багряной шее узкий белый воротничок. Брюшко серовато-белое, а на светлорыжих крыльях — блестящая синеватая полоса. Целыми днями селезень ходил по двору, купался в старом деревянном корыте, а на ночь устраивался в сарайчике с домашними гусями.

Когда озера и болота в далекой тундре покрылись льдом, затормозились на юг утиные стаи. Ночью услышал селезень свист крыльев пролетающих уток, закричал, забился под невысокой толевой крышей. Проснулись и загготали гуси. Ленька решил, что забралась во двор лисица, схватил фонарик, выбежал на крыльцо. Но стая была уже далеко, селезень успокоился. Вышел и отец в ватнике, накинутым на плечи, сел на ступеньку, закурил.

— Что же случилось? — спросил Ленька.

— Крыжень товарищей своих услышал, — ответил отец, — хотел с ними лететь, а потолок не пускает. Видно, крыло уже срослось, в воскресенье отвезем его на воздухоплавательный пункт.

С утра на крыши лег иней, а потом поднялся ветер, закапал холодный осенний дождь. Лошадь не спеша брела по размытой лесной дороге. Ленька, натянув капюшон брезентовой куртки, сидел рядом с отцом, держал в руках рюкзак. Подъехали к сторожке, дождь перестал, выглянуло из-за туч солнышко. Напротив отдели далеко от берега покачивалась на волнах утиная стая.

Ленька развязал рюкзак, посадил селезня на песок. Из окна сторожки было видно: селезень вытянул шею, быстро подбежал к воде, взмахнул крыльями и легко поднялся над желтыми камышами.

Когда возвращались домой, опять потемнело, закружились первые снежинки.

А ночью ударил мороз, закрыл тонким льдом лужи на песчаной отмели, и над самым фарватером, заслоняя звезды, потянулись последние утиные стаи.

А. Морозов

КАК МЫ СПАСЛИ ЛОСЯ

Стояли знойные августовские дни. Наш путь пролегал через огромное болото, обильно усыпанное красновато-оранжевой моршочкой. Чахлые низкорослые сосенки одиноко встречались на пути и незаметно таяли за нами, сливаясь с коричневатой-рыжим ковром болота.

За два прошедших месяца на землю не

упало и капли дождя. Мочажины и гряды на болоте одинаково сухие, и продвигаться было безопасно. Только ноги наши глубоко погружались в моховую подушку, и поднимать их приходилось выше обычного.

Лучи горячего солнца нещадно жгли мох, и он похрустывал под ногами, словно снег в лунную морозную ночь. Пройдя по болоту километра два, мы увидели огромного лоса. Он бежал впереди, пугливо оглядываясь, гордо вскидывая красивую голову.

И вдруг лось пропал. Через несколько минут мы заметили его плавающим в небольшом озерке, сохранившемся в широкой мочажине. Он плавал, вернее тонул, пытаясь найти опору для ног. Мох легко отрывался и быстро погружался под его тяжесть.

Лось отчаянно рвался на свободу.

Что делать? Мы срубили несколько тонких сосен и бросили впереди лоса так, чтобы они упирались в более плотный моховой покров. Лось, почувствовав надежную опору, положил голову на ближнюю сосну и глубоко вздохнул.

Немного передохнув, он с новой силой рванулся вперед, разбрызгивая задними ногами зеленовато-бурую болотную воду. Еще несколько рывков, и грузное тело лоса зависло, окончательно почувствовав опору. И уже спокойней, перебирая задними ногами, он прополз по соснам, встал на более сухую грядку, выпрямился и стряхнул с себя ярко-зеленые ниточки мха, унизанные капельками воды.

Посмотрев в нашу сторону, он, видимо, поблагодарил нас. Столько было радости в его глазах, столько благородства выражало его изящное тело!

И. Картаев

«НА ПРОГУЛКЕ»

Лена Сукова
Ворошиловградская область

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

Б. Белоголовый. Лес	1	Евг. Барас. Солнце на скалах	22
М. Махлин. Растение с настроением	8	Л. Гарибова. Грибы-двойники	33
Эдуард Корпачев. Луга медвяные.		Клуб Почемучек	36
Повесть	10	Остановись, мгновенье!	43
Лесная газета	16	Во саду ли... в огороде	44
		А. Чегодаев. Землеройка	48
		Записки натуралиста	50

НАША ОБЛОЖКА:

Подосиновики на первой странице, еж — на четвертой. На второй странице гравюра В. Садина «Утро».

Главный редактор А. А. ВИНОГРАДОВ
Редколлегия: Григорьев В. В., Корчагина В. А.,
Клумов С. К., Пономарев В. А., Подрезова А. А. (зам.
главного редактора), Синадская В. А., Чашарин Б. А.
(ответственный секретарь), Шукин С. В.

Научный консультант доктор биологических наук профессор Н. А. Гладков.

Художественный редактор А. А. Тюрина
Технический редактор Т. А. Кулагина

Рукописи и фото не возвращаются.

Сдано в набор 31/V 1974 г. Подписано к печати 5/VII 1974 г. А07744. Формат 70×100¹/₁₆. Печ. л. 3,5 (усл. 4,55). Уч.-изд. л. 4,9. Тираж 2 550 000 экз. Заказ 1148. Цена 20 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, ГСП-4, Суцеская, 21.

ЛЕТНЕЕ УТРО В ЛЕСУ

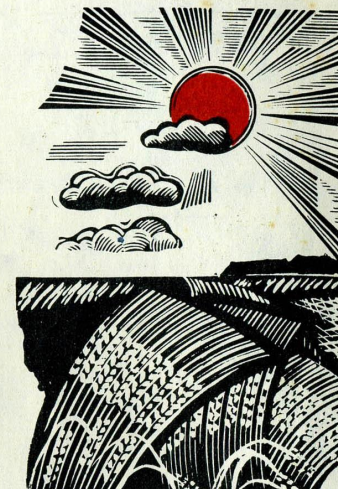
В траве и на ветках повисли
Прозрачные капли росы.
И не успели раскрыться
Прекрасно и нежно цветы.

И ветер траву охлаждает,
И нет серой пыли дневной.
Туман в сером воздухе тает,
В лесу моем тишь и покой.

Но скоро вокруг все проснется,
Но скоро тут все оживет,
И выглянет яркое солнце,
И бойко щегол запоеет!

Марина Александрова

Москва

РОДИНА

Люблю берез я тихий шепот,
Люблю я мягкий шум листвы,
Люблю я ржи несмелый ропот
И запах луговой травы.

Люблю я вкус ржаного хлеба,
В размахе радостный покос,
Спокойную улыбку неба,
Жужжанье суетливых ос.

Люблю я вальс ветров игривых
И хороводы облаков,
Глаза ромашек шаловливых
И взор упрямых васильков.

Люблю ту землю, что зовется
Россией, ширь ее полей,
Где всем нам счастливо живется
Под небом Родины моей.

Татьяна Лебедева

Москва

Индекс 71:121

20 коп.